

НАСТОЯЩИЙ НУАР

СИЛЬВИЯ
МОРЕНО-ГАРСИА

**Мексиканская
готика**

РИПОЛ КЛАССИК

Мировые бестселлеры

Сильвия Морено-Гарсия

Мексиканская готика

«РИПОЛ Классик»

2020

УДК 821.134.2(7/8)
ББК 84(7Кан)6-44

Морено-Гарсия С.

Мексиканская готика / С. Морено-Гарсия — «РИПОЛ Классик»,
2020 — (Мировые бестселлеры)

ISBN 978-5-386-14451-7

Ноэми, молодая девушка из богатой мексиканской семьи, живет в мире модных нарядов и ярких вечеринок. И когда она получает письмо с мольбой о спасении от сестры, недавно вышедшей замуж, ей приходится оставить привычную жизнь и отправиться в таинственный особняк на вершине горы. Там, среди туманов, она сталкивается с гнетущей атмосферой разорившегося поместья, непониманием, отторжением, а также первобытным ужасом, секрет которого тщательно охраняют обитатели Дома-на-Горе.

УДК 821.134.2(7/8)

ББК 84(7Кан)6-44

ISBN 978-5-386-14451-7

© Морено-Гарсия С., 2020
© РИПОЛ Классик, 2020

Содержание

1	6
2	13
3	20
4	25
5	31
6	36
7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сильвия Морено-Гарсия

Мексиканская готика

Silvia Moreno-Garcia
Mexican Gothic

© 2020 by Silvia Moreno-Garcia This translation is published by arrangement with Del Rey,
an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC

© Сибуль Е. А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2020

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

* * *

Посвящается моей маме

1

Вечеринки в доме у Тунонов всегда заканчивались поздно. А поскольку хозяева обожали устраивать костюмированные балы, здесь часто можно было увидеть «китайнок из Пуэбло» в народных юбках, с яркими лентами в волосах, которых сопровождали такие же разряженные кавалеры. Шоферы, чтобы не ждать впустую гуляющую молодежь, проводили ночь с пользой: отправлялись есть тако с уличного лотка или навещали служанок, работающих в близлежащих домах. Впрочем, ухаживания их были такими же деликатными и такими же скучными, как чопорная викторианская мелодрама. Некоторые собирались группкой, делясь сигаретами и историями. Некоторые дремали. Они ведь отлично знали, что никто не уйдет с вечеринки раньше часа ночи.

Так что пара, покинувшая дом Тунонов в десять вечера, явно нарушила традиции. И что еще хуже, водитель молодого человека ушел перекусить и его нигде не могли найти.

Парень выглядел подавленным и пытался решить, что делать дальше. При нем была лошадиная голова из папье-маше – вот ведь наказание, теперь придется тащиться через весь город с этим дурацким аксессуаром! Ноэми, его подруга, заявила, что хочет выиграть конкурс костюмов, оставив с носом Лауру Кесада и ее ухажера. Так что молодой человек, его звали Хьюго, постарался с костюмом, а оказалось, все зря, ведь его спутница не нарядилась так, как обещала.

Ноэми Табоада пообещала, что возьмет напрокат костюм жокея, к которому полагается хлыст. Умный, хотя и немного скандальный выбор; а определялся он тем, что Лаура, по слухам, собиралась прийти в костюме Евы со змеей вокруг шеи. Но в итоге Ноэми передумала. Костюм жокея показался ей слишком уродливым, к тому же бриджи раздражали кожу. Подумав, она надела зеленое платье с белой цветочной аппликацией (пусть гадают, что это значит) и даже не удосужилась предупредить своего кавалера об изменениях.

– И что теперь? – вздохнул Хьюго.

– Через три квартала отсюда большой проспект. Поймаем там такси, – беззаботно ответила девушка. – У тебя нет сигаретки?

– Сигаретки? Я даже не знаю, где мой кошелек, – ответил Хьюго, ощупывая пиджак одной рукой. – Разве у тебя нет сигарет в сумочке? Другой бы на моем месте решил бы, что ты скупая и хочешь сэкономить на куреве.

– Слова истинного джентльмена, – засмеялась она.

– Боюсь, я даже мятную конфетку предложить тебе не могу. О черт, как думаешь, мог я оставить кошелек в доме?

Ноэми пожала плечами:

– Ладно, за такси я сама заплачу.

Тащить лошадиную голову под мышкой было трудно. Хьюго пару раз чуть не уронил ее, пока они добрались до проспекта. Ноэми подняла изящную ручку и остановила такси.

Бросив голову на сиденье, парень недовольно пробормотал:

– Тебе трудно было сказать, чтоб я не брал эту штуковину? Главным делом и выкинуть нельзя – мне ее дали под честное слово в театре. – Заметив улыбку на лице водителя, он понял, что она была на его счет.

– Ты такой милый, когда раздражаешься, – ответила Ноэми, открывая сумку в поисках сигарет.

Хьюго был похож на молодого Педро Инфанте¹, в чем и состояла большая часть его привлекательности. Что касается всего остального – личность, социальный статус и ум, – Ноэми

¹ Мексиканский актер и певец.

особо об этом не задумывалась. Если она чего-то хотела, она просто этого хотела. А в последнее время она хотела Хьюго, хотя теперь, добившись его внимания, скорее всего, даст ему от ворот поворот.

Когда они подъехали к ее дому, Хьюго потянулся к девушке и схватил за руку:

– Поцелуй меня на ночь.

– Мне надо спешить, но ты все же можешь попробовать мою помаду на вкус, – ответила она, засунув ему в рот свою сигарету.

Под хмурым взглядом Хьюго Ноэми поспешила в дом. Пересекла дворик и направилась прямо в кабинет отца. Как и весь дом, кабинет был оформлен в современном стиле, демонстрируя вкусы и благосостояние хозяина. Отец Ноэми никогда не был беден, но он смог превратить небольшой бизнес по производству химических красителей в целое состояние. Он знал, что ему нравится, и не боялся это показывать: смелые цвета и чистые линии. Обивка стульев была ярко-красной, а роскошные растения добавляли пятна зеленого во все комнаты.

Дверь в кабинет была открыта, и Ноэми не стала стучать. Быстро вошла, стуча высокими каблуками по полу из твердых пород деревьев, поправила орхидею в волосах, уселась перед столом отца и, громко вздохнув, кинула на пол маленькую сумочку. Она не любила, когда ее вызывают домой слишком рано.

Отец даже не взглянул на нее. Он был занят изучением какого-то документа.

– Не могу поверить, что ты позвонил мне в дом Тунонов, – сказала девушка, стягивая белые перчатки. – Знаю, ты не очень-то обрадовался, что Хьюго...

– Речь не о Хьюго! – ответил отец, резко прерывая ее.

Ноэми нахмурилась. В правой руке она сжимала одну из перчаток.

– Нет?

Она попросила разрешения поехать на вечеринку, но не уточнила, что пойдет с Хьюго Дуартэ, ведь знала, как относится к нему ее отец. Отец беспокоился, что Хьюго сделает ей предложение и она примет его. Ноэми не собиралась замуж за Хьюго и так и сказала родителям, но ей не поверили.

Ноэми Табоада принадлежала к высшему обществу. Она делала покупки в Паласио де Йерро², красила губы помадой от Элизабет Арден, в ее гардеробе висели отличные меха, она была достаточно эрудирована, чтобы легко поддержать любую беседу, и хорошо говорила по-английски благодаря монашкам из частной школы – носительницам языка. Считалось, что она должна посвятить жизнь двум целям – развлечениям и охоте за мужем. Отец Ноэми снисходительно относился к вечеринкам, потому что считал, что на них можно присмотреть достойного супруга. То есть не просто веселиться, а «веселиться с определенной целью», как однажды, фыркнув, сказала сама Ноэми. Но с отцом можно было ладить, и все было бы нормально, если бы Хьюго нравился отцу. Однако Хьюго был простым архитектором, а Ноэми «должна целиться выше».

– Нет, хотя нам придется поговорить об этом попозже, – ответил отец, заставив девушку нахмуриться.

Они с Хьюго кружились в медленном танце, когда подошел слуга и сообщил, что звонит мистер Табоада; тем самым вечер был прерван. Ноэми решила: отец, вскипев, собирался вырвать ее из объятий нежеланного кавалера, а теперь ее ждет очередная скучная нотация. Если не так, тогда в чем дело?

– Ничего плохого не случилось, я надеюсь? – спросила она. Когда Ноэми сердилась, ее голос становился высоким, девчачьим, совсем не похожим на тот ровный тон, который она совершенствовала последние годы.

² Сеть высококлассных универмагов в Мексике.

– Не знаю. Ты не должна передавать то, что я сейчас тебе скажу. Ни твоей маме, ни брату, никому из друзей, понятно? – спросил отец и не сводил глаз с Ноэми, пока та не кивнула.

Мистер Табоада тоже кивнул и забарабанил пальцами по столу.

– Несколько недель назад я получил письмо от твоей кузины Каталины. В нем она рассказывала дикие вещи о своей жизни в доме мужа. Я написал Вирджилю в попытке докопаться до сути.

Вирджиль ответил, что Каталина в последнее время вела себя странно и выглядела удрученно, но теперь ей лучше. Мы переписывались. Я настаивал, что, если Каталине и правда плохо, может, лучше привезти ее в Мехико, чтобы показать специалистам? Он возразил, что в этом нет необходимости. «У нас все хорошо, никакого вмешательства не требуется», – писал он.

Ноэми сняла вторую перчатку и положила на колени.

– Мы зашли в тупик. Я не думал, что он поменяет решение, но сегодня вечером, когда ты была у Тунонов, пришла телеграмма. Вот, прочитай ее.

Отец взял со стола листок бумаги и передал Ноэми. Ее приглашали навестить Каталину. Поезд останавливался в Эль-Триунфо не каждый день, но по понедельникам – да, и они направят водителя на станцию, чтобы забрать ее.

– Я хочу, чтобы ты поехала, Ноэми. Вирджиль писал, что Каталина спрашивала о тебе. К тому же я считаю, что лучше с этой проблемой разобраться женщине. Может оказаться, что все это преувеличение и проблема кроется в их отношениях. Твоя кузина всегда была склонна к мелодраме. Возможно, она просто старается привлечь внимание.

– В таком случае, почему мы должны участвовать в этой мелодраме? – спросила Ноэми, хотя и считала, что со стороны отца вешать на Каталину ярлык мелодраматичной барышни не совсем правильно. Кузина рано потеряла родителей, но она тем не менее была нормальной, веселой девушкой. Разве что излишне романтической, что для ее возраста вполне обычно.

– Письмо Каталины очень странное, – продолжил отец. – Она утверждает, что муж травил ее... еще она пишет о каких-то видениях. Не скажу, что я эксперт в медицине, но этого хватило, чтобы я разузнал о хороших психиатрах в городе.

– У тебя есть письмо?

– Да, вот оно.

Ноэми было трудно прочитать слова, а уж тем более понять смысл предложений. Почерк был неразборчивым и неряшливым.

...он пытается отравить меня. Этот дом чахнет от гнили, воняет разложением, переполнен злом и жестокостью. Я пытаюсь сохранять рассудок, чтобы держаться подальше от себя это зло, но не получается, и, кажется, я теряю счет времени и мыслям. Пожалуйста, пожалуйста... Они жестоки и грубы и не отпускают меня. Я перегораживаю дверь, но они все равно приходят, шепчутся в ночи, а я так боюсь этих неуспокоенных мертвых, этих привидений, бесплотных существ. Змея пожирает свой хвост, под ногами гнилая земля, лживые лица с лживыми языками, паутина, по которой бродит паук, заставляя нити вибрировать. Я – Каталина, Каталина Табоада. КАТАЛИНА. Ката, Ката, идем поиграем. Я скучаю по Ноэми. Молюсь, что увижу тебя снова. Ты должна приехать ради меня, Ноэми. Ты должна спасти меня. Я не могу спасти себя, как бы ни хотела, я связана, стальные нити пронизывают мой разум... Оно там, в стенах. Оно не отпускает меня, поэтому я должна просить тебя освободить меня, оторвать это от меня, остановить их. Ради Бога...

Поспеши!

Каталина

На полях кузина нацарапала какие-то слова и цифры, нарисовала круги. Это сбивало с толку.

Когда Ноэми в последний раз говорила с Каталиной? Наверное, прошли месяцы, а то и год. Супруги провели медовый месяц в Пачука-де-Сото, и Каталина звонила им, даже отослала пару открыток, но после этого они почти не общались, хотя телеграммы все еще приходили, в правильные дни поздравляя с днем рождения членов семьи. Наверное, приходило и поздравление с Рождеством, потому что были рождественские подарки. Или Вирджиль написал то рождественское письмо? В любом случае оно было пресным.

Они все решили, что Каталина наслаждается жизнью новобрачной и у нее нет ни времени, ни желания много писать. К тому же в ее новом доме, кажется, не было телефона, что не так необычно для сельской местности. В конце концов придут Каталина и ее муж навестить их в Мехико, не будут же они вечно торчать в этой глуши.

Письмо в ее руках было странным. Оно было написано от руки, хотя Каталина предпочитала пишущую машинку. Вдобавок оно было пространным, а Каталина всегда излагала мысли кратко.

– Да, действительно очень странное послание, – признала девушка.

Она собиралась заявить, что отец преувеличивает, а может, пользуется возможностью оторвать ее от Дуартэ, но, кажется, все не так.

– По меньшей мере, – кивнул мистер Табоада. – Теперь, прочитав его, ты понимаешь, почему я написал Вирджилю и попросил объясниться. И почему я был так поражен, когда он фактически обвинил меня в попытке вмешаться.

– А что ты ему написал? – спросила Ноэми, думая, что отец был груб. Как человек настойчивый, хорошо знающий, что ему нужно, он мог ранить людей своей бесцеремонностью.

– Ты должна понимать, что мне не доставит удовольствия упрятать племянницу в место вроде Ла Кастанеды...

– Ты это написал? Что отправишь ее в психиатрическую больницу?.. – ахнула девушка.

– Я всего лишь упомянул о такой возможности, – ответил мистер Табоада, протягивая руку. Ноэми вернула ему письмо. – В Ла Кастанеде у меня есть знакомые. Каталине может понадобиться профессиональная помощь, которую не найти в их деревне. Если на то пошло, только мы можем позаботиться о ее интересах.

– Ты не доверяешь Вирджилю?

Отец сухо рассмеялся:

– Твоя кузина слишком быстро вышла замуж, Ноэми, можно сказать, опрометчиво. Я не отрицаю, что Вирджиль Дойл хорош собой, но кто знает, можно ли на него положиться?

Он был прав. Обручение Каталины было чуть ли не скандально быстрым, и у них почти не было возможности присмотреться к жениху. Каталина поставила всех перед фактом. Если бы Ноэми не пригласили в качестве свидетельницы перед гражданским судьей, она бы и не ведала, что кузина выходит замуж.

Такая спешка не нравилась отцу Ноэми. Но еще больше ему не понравилась скрытность племянницы. Он позаботился о свадебном угощении, но Ноэми не сомневалась: отец был оскорблен. Да и ей самой было неприятно. Кузина влюбилась? Разве это не стоило обсудить? Вот еще одна причина, почему ее не волновало отсутствие общения с Каталиной. Ничего, думала она, ближе к декабрю Каталина придет в Мехико на рождественский шопинг, и все наладится. Всего лишь вопрос времени.

– Должно быть, ты поверил, что она говорит правду и Вирджиль действительно обижает ее, – сделала вывод девушка, пытаясь вспомнить свои впечатления о женихе. На свадьбе они едва обменялись несколькими дежурными репликами. На ум пришли два слова – красивый и вежливый. – Каталина в своем письме утверждает, что он не только травит ее, но что и какие-то привидения ходят сквозь стены. Ну что за чушь?!

Мистер Табоада встал, подошел к окну и, скрестив руки на груди, выглянул на улицу. Из кабинета открывался вид на дорогие ее маме бугенвиллеи – взрыв цвета, ночью оплетенный тьмой.

– Она не в порядке, это очевидно. Но очевидно также, что ее муж останется без денег, если они разведутся. Я наводил справки – состояние его семьи практически исчерпано. Но пока они состоят в браке, у него есть доступ к ее банковскому счету. Ему было бы выгодно держать Каталину в глуши, даже если ей лучше в городе или с нами.

– Думаешь, он такой корыстный? Ставит финансовые интересы выше благополучия жены?

– Я не знаю его, Ноэми. Никто из нас не знает. Вот в чем проблема. Он незнакомец. Утверждает, что о ней хорошо заботятся и ей лучше, но вполне возможно, что Каталина сейчас привязана к кровати и ее кормят кашей.

– А еще говоришь, что это она склонна к мелодраме, – вздохнула Ноэми, изучая орхидеи на корсаже.

– Не иронизируй. Я знаю, каким может быть больной родственник. У моей мамы был удар, и она оказалась прикована к кровати на долгие годы. Я также знаю, что семья не всегда хорошо справляется с подобными проблемами.

– Тогда чего ты хочешь от меня? – спросила девушка, изящно складывая руки на коленях. – Чтобы я стала сиделкой?

– Я уже сказал: хочу, чтобы ты поехала. Оцени ситуацию. Определи, нужно ли отправить Каталину в город, и попытайся убедить Вирджилия, что это лучший вариант, если это действительно так.

– Ха! Как мне это удастся?

Мистер Табоада улыбнулся. Ноэми не была похожа на отца, но она унаследовала от него эту располагающую улыбку и умные темные глаза.

– Ты переменчивая. Сначала ты хотела изучать историю, потом театр, а теперь переключилась на антропологию. Ты занималась разными видами спорта и не остановилась ни на одном. Два раза встретившись с парнем, ты перестаешь звонить ему.

– Это не имеет ничего общего с моим вопросом, папа.

Ноэми не стала вступать в дискуссию, поскольку отец был прав. Она никак не могла определиться с занятиями, регулярно меняла ухажеров и вполне могла за один день сменить четыре наряда.

Не было смысла говорить отцу, что ей всего-то двадцать с небольшим. Он возглавил семейный бизнес в девятнадцать. По его стандартам, она медленно шла в никуда.

– Потерпи, я уже подхожу к нему. Ты переменчивая, но ты упрямая, если дело касается чего-то неправильного. Может, пришло время использовать это упрямство и энергию, чтобы сделать что-то полезное? – Мистер Табоада замолчал и пристально посмотрел на нее.

Девушка вздохнула:

– Хорошо, папа, буду рада навестить их через несколько недель...

– В понедельник, Ноэми. Вот почему я выдернул тебя с вечеринки. Утром в понедельник ты сядешь на поезд в Эль-Триунфо.

– Но скоро концерт... – ответила она.

Это была слабая отговорка, и оба знали это. С семи лет она брала уроки игры на фортепиано и дважды выступала на концертах. От воспитанных девушек больше не требовалось виртуозного владения инструментом, как это было пару десятилетий назад, но умение играть классические пьесы по-прежнему ценилось в высшем обществе. Кроме того, Ноэми нравилось музицировать, но еще больше выступать.

– Концерт... Скажи лучше, что ты не хочешь терять шанс надеть новое платье. И к тому же ты побаиваешься оставлять Хьюго одного.

– Тебе стоит знать, папа, что я собиралась пойти в юбке, причем не новой – я была в ней на коктейльной вечеринке Греты, – ответила Ноэми, оставив без внимания вторую часть. – Послушай, дело не в концерте. Он любительский, и будут другие. Правда в том, что через несколько дней у меня начинаются занятия. Я не могу просто так уехать.

– Приступишь к занятиям позже.

Ноэми собиралась протестовать, но отец не дал ей сделать этого:

– Ноэми, ты все время говорила о Национальном университете. Если сделаешь то, о чем я прошу, я разрешу тебе поступить, – сказал он.

Родители Ноэми позволили ей посещать Женский университет Мехико, но были поражены, когда девушка объявила, что хочет продолжить обучение. Она хотела получать диплом магистра антропологии, а для этого ей требовалось поступить в Национальный университет. Ее отец считал, что это пустая трата времени, каприз. Однажды он пошутил, что в этом гнезде разврата по коридорам бродят толпы молодых мужчин, наполняя головы юных леди глупыми мыслями.

Мать Ноэми тем более не впечатляли идеи дочери. Жизненный цикл девушки прост и понятен – от дебютантки к жене. Продолжить обучение – значит остаться куколкой в коконе. Устав от споров с дочерью, она в конце концов заявила, что приговор по поводу учебы должен вынести глава семейства. А он, кажется, не намеревался это делать.

Внезапное заявление отца открывало возможность.

– Ты серьезно? – осторожно спросила Ноэми.

– Да. Не хочу, чтобы развод Каталины и Вирджилия смаковали газеты. И потом, – он смягчил тон, – мы говорим о Каталине. С нее уже хватит неприятностей. Малышке не помешает увидеть дружелюбное лицо. Может, только это ей и надо.

Каталине не очень повезло в жизни. Сначала умер ее отец, и мать снова вышла замуж. Отчим был груб и часто доводил девочку до слез. Несколько лет назад умерла мать Каталины, и та переехала в дом родителей Ноэми – ее отчима к тому времени и след простыл. Несмотря на теплый прием в семье Табоада, Каталина долго не могла оттаять. Позже она пережила мучительный разрыв помолвки. Суть в том, что за Каталиной много месяцев ухаживал глуповатый, как казалось отцу Ноэми, молодой человек, и он прогнал его, не посчитавшись с чувствами племянницы. Каталина, судя по всему, усвоила урок, поскольку ее отношения с Вирджилом Дойлом были образцом скрытности. А возможно, Вирджиль был хитрее и посоветовал девушке молчать о них, пока отменять свадьбу не станет слишком поздно.

– Ну что же, в таком случае... – начала Ноэми.

– Хорошо, – перебил ее отец. – Мы телеграфируем Вирджилю, что ты выезжаешь. Осторожность и ум – вот и все, что нужно. Вирджиль – ее муж и имеет право принимать за нее решения, но мы не можем бездействовать, если он в чем-то неправ.

– Мне нужно заставить тебя записать сказанное об университете.

Мистер Табоада усмехнулся:

– Я никогда не нарушаю свое слово, дочь. Иди вытащи эти дурацкие цветы из волос и начинай собирать вещи. Знаю, что у тебя вечность уйдет на то, чтобы решить, что взять с собой. Кстати, что за костюм у тебя? – спросил он, явно недовольный вырезом платья и голыми плечами.

– Костюм Весны, – ответила девушка.

– Там холодно. Если собираешься ходить в чем-то подобном, лучше взять свитер, – сухо заметил отец.

Хотя обычно Ноэми могла придумать остроумный ответ, в этот раз она промолчала. Уже согласившись на это предприятие, она осознала, что почти ничего не знает о месте, куда вынуждена будет поехать, и о людях, которые ее там встретят. Путешествие будет не из приятных. Но раз уж отец выбрал ее для этой миссии, она ее выполнит. Переменчивая? Пфф... Она покажет

отцу самоотверженность, которую он от нее ждет. Возможно, после ее успеха, – а Ноэми не могла представить, что потерпит неудачу, – он поймет, что она уже зрелая личность и заслуживает его уважения.

2

Когда Ноэми была маленькой, Каталина читала ей сказки и часто упоминала лес, место, где Гензель и Гретель кидали хлебные крошки, чтобы не заблудиться, а Красная Шапочка встретила коварного Волка. Ноэми росла в большом городе и только недавно осознала, что леса бывают не только в сказках. Ее семья обычно отдыхала в Веракрусе, в бабушкином доме у моря, где совсем не было деревьев. Но в Мексике достаточно лесов. Теперь она направлялась в лес, поскольку Эль-Триунфо находился на склоне пологой горы, покрытой плотной порослью из сосен и дубов. Из окна поезда Ноэми наблюдала овец и коз, храбро взбирающихся по отвесным скалам. Животных здесь было предостаточно. Серебро обогатило этот регион, а шахты, как она читала, освещали горящим жиром. «Должно быть, запах был отвратительный!» – поморщилась она. Чем выше забирался поезд, тем больше менялся пейзаж. Землю прорезали глубокие ущелья, робкие ручейки превратились в сильные, быстрые реки, несущие смерть любому, кто попадет в их поток. И тот самый *лес*... он становился все гуще, а воздух, пока поезд забирался в гору, все холоднее и чище.

Наконец состав остановился.

Ноэми схватила чемоданы. Она взяла с собой два и испытывала соблазн набить еще один, но потом решила, что обойдется. Несмотря на эту уступку, багаж был тяжелым.

На железнодорожной станции людей было немного, да и вообще, это трудно было назвать станцией – выдавшее виды приземистое здание с сонной женщиной за окошком кассы. Три маленьких мальчика гонялись друг за другом, играя в пятнашки. Ноэми предложила им пару монет, если они помогут вытащить ее чемоданы. Дважды просить не пришлось. Дети казались истощенными, и Ноэми задалась вопросом, как теперь, когда местную шахту закрыли, выживают местные жители. Она была готова к прохладе гор, но неожиданностью для нее стал легкий туман. Поправляя сине-зеленую шляпку без полей с длинным желтым пером, она высматривала свою машину на улице. Хотя чего тут высматривать. Перед станцией стоял единственный автомобиль, чересчур огромный, сразу заставивший вспомнить немые фильмы, популярные два или три десятилетия назад. Такой автомобиль в юности мог водить ее отец, чтобы похвастаться богатством.

Все это хорошо, но машина нуждалась в покраске и была грязной. На такой кинозвезды не стали бы развезжать в наши дни. Неужели помыть не могли?

Ноэми думала, что и водитель будет под стать, ожидая увидеть за рулем пожилого неопрятного мужчину. Однако из лимузина вылез молодой человек примерно ее возраста в вельветовом пиджаке. У него были светлые волосы и бледная кожа – Ноэми не знала, что люди могут быть такими бледными. Боже, он когда-нибудь бывает на солнце? Глаза парня выдавали неуверенность, а губы пытались изобразить приветственную улыбку.

Расплатившись с мальчиками, притащившими ее багаж, она протянула руку молодому человеку:

– Меня зовут Ноэми Табоада. Вас послал мистер Дойл?

– Да, дядя Говард попросил забрать вас, – ответил он, вяло пожимая ее руку. – Меня зовут Фрэнсис. Надеюсь, поездка прошла приятно? Это все ваши вещи, мисс Табоада? Могу я поставить их в багажник? – Он сыпал и сыпал вопросами, скрывая смущение.

– Можете звать меня Ноэми. Мисс Табоада звучит напыщенно. Да, это весь мой багаж, и да, поставьте его в багажник.

Молодой человек разместил чемоданы, потом обошел машину и открыл перед Ноэми дверцу. Городок, увиденный из окна, был так себе. Тут царил затхлая атмосфера увядающего места. На извилистых улочках стояли дома с цветочными горшками под окнами. Краска на фасадах облупилась, хотя когда-то была яркой. Половина цветов в горшках высохла, а на лест-

ницы крыльца, вероятно, было страшно ступить. В этом не было ничего необычного. Многие ранее процветающие шахтерские города пришли в упадок, как только разразилась Война за независимость. Позже, во времена относительно спокойного Порфириата³, здесь были рады видеть англичан и французов, проявивших интерес к полезным ископаемым. Однако революция оборвала этот второй расцвет. Места, где земля перестает делиться богатствами своих недр, быстро пустеют. Однако Дойлы задержались на этой земле. Возможно, подумала Ноэми, они привязались к этому месту, хотя сама она, мягко говоря, не была впечатлена.

Машина выехала за пределы городка. Местность здесь была обрывистой. Совсем не похоже на горы из детских книг. Цветы на картинках в книжках росли у самой дороги, и все было пронизано солнцем. Неужели это то волшебное место, в котором собиралась жить Каталина?

Фрэнсис вел автомобиль по узкой дороге, забирающейся все дальше в горы. Воздух становился разреженнее, туман – гуще.

– Еще далеко? – спросила Ноэми.

– Не очень, – неуверенно произнес Фрэнсис. – Дорога плохая, иначе я бы поехал быстрее. Давным-давно, когда шахта еще работала, все дороги у нас были в хорошем состоянии, даже рядом с Домом-на-Горе.

– Дом-на-Горе?

– Так мы зовем наш дом. А позади него находится английское кладбище.

– Что, оно очень английское? – улыбаясь, спросила девушка.

– Да, – кивнул молодой человек, не отрывая взгляда от дороги.

– Да? – приподняла она бровь, ожидая пояснений.

– Сами увидите. Все очень по-английски. Мм... этого хотел дядя Говард – такой небольшой кусочек Англии. Он даже привез сюда землю из Европы.

– Думаете, с ним случился острый приступ ностальгии?

– Так и было. Должен вам сказать, что в Доме-на-Горе мы не говорим на испанском. Дядя Говард, на самом деле он мой двоюродный дедушка, не знает ни слова, Вирджиль говорит плохо, а мама... она не станет утруждать себя составлением фраз на этом языке. Ваш... ваш английский хороший?

– Я брала уроки каждый день с шести лет, – ответила Ноэми, переключаясь с испанского на английский. – Уверена, проблем не будет.

Теперь деревья росли ближе друг к другу, и под их ветвями было темно. Ноэми не была любительницей природы, по крайней мере *не дикой*. В последний раз она побывала в лесу два или, может, три года назад, когда они всей семьей выбрались на экскурсию в Эль-Десьерто де лос Леонес⁴. Там можно было покататься верхом и пострелять по банкам. Но это место невозможно было сравнить с Эль-Десьерто. Ноэми поймала себя на том, что с опаской осматривает высокие деревья и глубокие ущелья. Туман стал плотным, и она поморщилась, опасаясь, что машина сорвется с горы, если Фрэнсис случайно повернет не в том месте. Интересно, сколько шахтеров сорвалось с обрывов, когда работали рудники? Горы предлагали не только богатства, но и быструю смерть.

Девушка покосилась на Фрэнсиса. Ей не нравились застенчивые мужчины – они действовали ей на нервы, но какая разница. Она не собиралась тесно общаться с этим парнем или другими членами его семьи.

– Кто вы в любом случае? – спросила она, пытаясь отвлечься от мыслей об ущельях и возможности врезаться в невидимые в тумане деревья.

³ Период мексиканской истории (1876–1911), когда страна находилась под управлением генерала Порфирио Диаса. В этот период произошел подъем мексиканской экономики.

⁴ Заповедник в Мексике.

– Фрэнсис, – коротко ответил он.

– Ну да. Вы младший кузен Вирджиля? Еще одна черная овца, о которой мне должны рассказать?

Ноэми говорила тем легкомысленным тоном, который ей самой так нравился и который она использовала на вечеринках. Она была уверена: подобный тон помогает найти общий язык с людьми, и парень ответил, как она и ожидала, с легкой улыбкой:

– Вирджиль – мой двоюродный дядя. Он чуть старше меня.

– Никогда не понимала этого. Двоюродный, троюродный, четвероюродный. Кто такое запоминает? Если кузены и так далее приходят на мои вечеринки, я просто считаю, что мы родственники, и на этом все, не стоит вытаскивать генеалогическое древо.

– Это точно все упрощает, – сказал он; в этот раз улыбка была шире.

– Вы хороший кузен? В детстве я ненавидела своих кузенов. Они всегда окунали меня лицом в торт на празднике, и мне не хотелось проделывать всю эту *mordida*⁵.

– *Mordida*?

– Да. Полагается откусить от торта прежде, чем его разрежут, но кто-то всегда толкает тебя в него головой. Думаю, вам не пришлось терпеть такое в Доме-на-Горе.

– В Доме-на-Горе не так уж часто бывают вечеринки.

Они продолжали подниматься.

– Название, должно быть, содержит буквальное описание вашего дома, – предположила Ноэми. – Эта дорога бесконечная?

Колеса машины скрипнули, проехав по упавшей ветке. И еще раз.

– Да.

– Никогда не бывала в доме с названием. В наши дни названий не дают.

– Мы старомодны, – пробормотал Фрэнсис.

Она скептически взглянула на молодого человека. Ее мама сказала бы, что ему нужны железо в рационе и хороший кусок мяса. Судя по тонким пальцам, он питался росой и медом, а говорил почти что шепотом. Вирджиль был физически мощнее своего... мм... племянника. И старше, как отметил сам Фрэнсис. Мужу Каталины было тридцать с чем-то, Ноэми забыла его точный возраст.

Они задели камень на дороге, и Ноэми раздраженно ойкнула.

– Простите, – сказал Фрэнсис.

– Я не виню вас. У вас всегда так? – спросила девушка. – Словно едешь в миске с молоком.

Туман...

– Мы привыкли, – усмехнулся парень. Ну по крайней мере, он немного расслабился.

Внезапно они выехали на открытое место, и из тумана выпрыгнул дом. Он был странным. Похож на викторианский особняк и тюрьму одновременно. Разбитая кровля, узкие эркеры и грязные окна. Ноэми никогда не видела ничего подобного. У них в Мехико совсем другие дома. На ум пришло сравнение: горгулья, огромная горгулья, нависающая над дорогой, стерегущая... кого?

Вблизи все было еще хуже. В некоторых ставнях не хватало досок, доски стонали под их шагами, когда они направились к двери, на которой висел серебряный молоточек в форме кулака.

«Нет, не горгулья, – сказала себе Ноэми. – Брошенная раковина улитки, пожалуй, так». Мысль об улитках вернула ее в детство. Играя во дворе, она отодвигала горшки с цветами и наблюдала, как разбегаются мокрицы, пытаясь снова спрятаться. Несмотря на упреки мамы, она скармливала кубики сахара муравьям. У них жил добрый полосатый кот; он обычно спал

⁵ От *Morder* (*исп.*) – кусать, впиваться.

под бугенвиллеей и позволял детям гладить его. Она сильно сомневалась, что в этом доме есть кот или весело чирикающие в клетках канарейки, которых она могла бы покормить с утра.

Фрэнсис достал ключ и открыл тяжелую дверь. Ноэми зашла в вестибюль, из которого открывался вид на огромную лестницу из красного дерева и дуба. На уровне второго пролета находилось круглое окно с витражом. Отсветы красного, синего и желтого ложились на поблекший зеленый ковер и на двух резных нимф: одна у основания лестницы, а вторая – у окна. У входа на стене когда-то висела картина или зеркало – овалный контур все еще был виден на обоях, как отпечаток на месте преступления. Над их головами торчала девятирожковая люстра, хрусталь затуманился от старости.

По лестнице спускалась женщина. Ее левая рука скользила вниз по перилам. Она не была старой, хотя в волосах виднелось серебро. Строгое серое платье и твердость в глазах добавляли ей лет.

– Мама, это Ноэми Табоада, – сказал Фрэнсис, поднимаясь с чемоданами по лестнице.

Девушка, улыбнувшись, протянула руку женщине, но та взглянула на ее руку так, словно от нее несло протухшей рыбой. Вместо того чтобы обменяться рукопожатием, мать Фрэнсиса развернулась и направилась вверх по ступенькам.

– Приятно познакомиться, – бросила она из-за спины. – Меня зовут Флоренс, я племянница мистера Дойла.

Ноэми хотелось фыркнуть, но она прикусила язык, догнала женщину и пошла рядом с ней, подстраиваясь под ее шаг.

– Я руковожу Домом-на-Горе, и поэтому, если вам что-то понадобится, подходите ко мне, – продолжила Флоренс. – У нас тут свои порядки, и мы все ждем, что вы будете им следовать.

– Я вся внимание, – вежливо произнесла Ноэми.

Они прошли мимо круглого окна, и девушка только сейчас разглядела красивый стилизованный цветок. Для создания ярких голубых лепестков использовалась окись кобальта, она знала такие вещи. Покрасочный бизнес, как называл его отец, помог ей узнать о химии целую кучу фактов, которые она по большей части игнорировала, но тем не менее факты застряли в ее голове, подобно назойливой песенке.

– Самое важное правило следующее – мы ведем замкнутый образ жизни, – отчеканила Флоренс. – Мой дядя, мистер Говард Дойл, весьма стар и проводит большую часть времени в своей комнате. Вы не должны беспокоить его. Во-вторых, я занимаюсь лечением вашей кухни. Ей нужен продолжительный отдых, поэтому вы не должны беспокоить ее без причины. И в-третьих, не уходите далеко от дома одна. Здесь легко потеряться, а в горах полно ущелий.

– Еще что-нибудь?

– Мы не часто выбираемся в город. Если вам туда нужно по делам, вы должны попросить меня, и я прикажу Чарльзу отвезти вас.

– А это кто?

– Один из прислуги. Прислуги у нас немного: три человека. Они верны нашей семье многие годы.

Теперь они шли по застеленному ковром коридору, стены которого украшали овалы портреты, написанные маслом. Через века на Ноэми уставились лица давно умерших Дойлов: женщины в шляпках и тяжелых платьях, мужчины в высоких шляпах и перчатках. Все с суровым взглядом, все бледные и светловолосые, как Фрэнсис и его мать. И все очень похожи друг на друга. Ноэми не смогла бы их отличить, даже если как следует присмотреться.

– Это ваша комната, – сказала Флоренс, останавливаясь у двери с хрустальной ручкой. – Стоит предупредить, в нашем доме не курят, если вы склонны к такому пороку, – добавила она, глядя на модную сумочку Ноэми.

Порок, отметила Ноэми и вспомнила монашек из частной школы. Она научилась бунтарству, бормоча молитвы под четки.

Девушка зашла в спальню и оторопело посмотрела на древнюю кровать с четырьмя столбами, словно бы вышедшую со страниц какого-то готического романа. Здесь были даже занавески, которые можно задернуть, прячась от мира, словно в коконе.

Фрэнсис поставил чемоданы у узкого окна – оно было обычным, дорогие цветные стекла не добрались до отведенных ей покоев – и показал на шкаф со стопкой одеял:

– Мы находимся высоко в горах. Здесь бывает очень холодно. Надеюсь, вы захватили свитер?

– У меня есть *ребозо*⁶.

Женщина открыла сундук у изножья кровати и вытащила несколько свечей, а вместе с ними один из самых уродливых канделябров, которые когда-либо видела Ноэми: весь серебряный, с херувимом в основании.

– Электричество было проведено сюда в тысяча девятьсот девятом году, прямо перед революцией. Но прошло четыре десятилетия, и почти ничего не обновлялось. У нас есть генератор, и он производит достаточно энергии для холодильника и нескольких лампочек. Мы привыкли полагаться на свечи и масляные лампы.

– Я даже не знаю, как пользоваться масляной лампой, – со смешком заметила Ноэми. – Видите ли, я никогда не жила в кемпингах.

– Мартышку можно научить базовым принципам, – не слишком вежливо отрезала Флоренс, а затем продолжила, не давая Ноэми ответить: – Бойлер у нас капризен, и в любом случае молодым людям не стоит принимать горячий душ, теплая ванна предпочтительней. В этой комнате нет камина, но это не должно вас смущать. Я что-нибудь забыла, Фрэнсис? Нет? – Женщина посмотрела на сына, но и ему не дала времени на ответ.

Ноэми была уверена, что мало кто успеет вставить хоть слово рядом с ней.

– Я бы хотела поговорить с Каталиной, – сказала она.

Флоренс, видимо решившая, что их разговор окончен, уже взялась за ручку двери.

– Сегодня? – спросила она.

– Да.

– Уже почти пришло время для приема лекарств. После них моя подопечная заснет.

– Мне нужно побыть с ней хоть пару минут.

– Мама, она проделала такой путь... – заметил Фрэнсис.

Его вмешательство словно бы застало женщину врасплох. Она вскинула бровь, глядя на сына, и сцепила руки в замок.

– Ну, наверное, в городе время ощущается по-другому, пока вы носитесь туда-сюда, – сказала она. – Если вам нужно встретиться с ней прямо сейчас, то пойдете со мной. Фрэнсис, почему бы тебе не пойти спросить дядю Говарда, присоединится ли он к нам сегодня за ужином? Мне не нужны лишние сюрпризы.

Женщина провела Ноэми по еще одному длинному коридору в комнату с еще одной старомодной кроватью с пологом и четырьмя столбами, резным туалетным столиком-трюмо и таким большим шкафом, что в нем поместилась бы маленькая армия. Обои были бледно-голубого цвета с цветочным узором. Стены украшали пейзажи, изображавшие побережье с большими утесами и одинокими пляжами, – это были не местные виды. Скорее всего, Англия.

У окна стоял стул, на котором сидела Каталина. Она смотрела на улицу и даже не шевельнулась, когда в комнату зашли. Золотисто-каштановые волосы были стянуты на затылке. Ноэми готовилась увидеть следы болезни на ее лице, но Каталина особо не изменилась с тех пор, как

⁶ Длинный и широкий мексиканский шарф.

жила в Мехико. Ее мечтательность, возможно, подчеркивалась окружающей обстановкой, но в этом и состояло все изменение.

– Через пять минут она должна принять лекарство, – сказала Флоренс, сверяясь с наручными часами.

– Тогда я воспользуюсь этими пятью минутами.

Женщина явно не обрадовалась, но ушла.

Ноэми приблизилась к кухне. Девушка не взглянула на нее, казалась какой-то застывшей.

– Каталина... Это я...

Ноэми нежно положила руку на плечо кухни, и только тогда она повернула голову. На губах девушки промелькнула улыбка:

– Ты приехала...

Ноэми кивнула:

– Да. Отец попросил меня проверить, как ты. Как ты себя чувствуешь? Что не так?

– Я чувствую себя ужасно. У меня был жар... Я болею туберкулезом, но сейчас мне лучше.

– Ты прислала нам письмо, помнишь? В нем ты написала странные вещи.

– Я не очень помню, что написала, – сказала Каталина. – У меня была такая высокая температура...

Каталина была на пять лет старше Ноэми. Не большая разница в возрасте, но достаточная для того, чтобы в детстве она, как старшая, приняла на себя роль матери. Ноэми помнила, как проводила долгие дни с Каталиной за поделками, вырезанием платьев для бумажных кукол, как они ходили в кино и как она слушала сказки, рассказывать которые кухня была мастерицей. Было странно видеть ее такой безжизненной, зависящей от других, когда раньше всё зависело от нее. Ноэми это совсем не понравилось.

– Папа ужасно нервничает, – сказала она.

– Мне так жаль, милая. Мне не стоило писать. Скорее всего, у тебя много дел в городе. Твои друзья, занятия... А теперь ты здесь, потому что я написала бред на клочке бумаги.

– Не волнуйся. Я и так хотела приехать проведать тебя. Мы же вечность не виделись! Честно говоря, я думала, что ты нас навестишь.

– Да, – сказала Каталина. – Я тоже так думала. Но из этого дома выбраться невозможно.

Каталина казалась задумчивой. Ее глаза – ореховые озера стоячей воды – стали тусклее, рот приоткрылся, словно она собиралась заговорить, но передумала. Вместо этого она вздохнула, задержала дыхание, повернула голову и закашлялась.

– Каталина?

– Время принимать лекарства, – сказала Флоренс, заходя в комнату со стеклянной баночкой и ложкой в руках.

Каталина послушно выпила лекарство, а потом Флоренс помогла ей забраться в кровать и натянула одеяло до подбородка.

– Пойдемте, – сказала она Ноэми. – Ей нужно отдыхать. Можете поговорить завтра.

Каталина закрыла глаза.

Флоренс провела Ноэми обратно в ее комнату, на ходу описав дом – кухня в том направлении, библиотека в другом, – и сказала, что ее позовут на ужин ровно в семь.

Ноэми распаковала чемоданы, повесила одежду в шкаф и пошла в ванную, чтобы освежиться. Там стояли древняя ванна на ножках и выдавший виды шкафчик. На потолке проступали следы плесени. Плитка вокруг ванны во многих местах потрескалась, но на трехногий табуретке лежали чистые полотенца, а на крюке висел халат, выглядевший чистым.

Ноэми проверила выключатель на стене, но лампа в ванной не работала. В спальне она также не могла найти ни одного светильника с лампочкой, хотя в комнате были розетки. Видимо, Флоренс не шутила насчет того, что нужно полагаться на свечи и масляные лампы.

Девушка открыла сумочку и порылась в поисках сигарет. Крошечная чашка с полубоженными купидонами на ночном столике послужила самодельной пепельницей. Сделав пару затяжек, она подошла к окну, чтобы Флоренс не жаловалась на вонь. Но окно не открывалось.

Она стояла и смотрела на клубившийся снаружи туман.

3

Флоренс пришла за ней, как и говорила, ровно в семь, с масляной лампой в руках, чтобы освещать дорогу. Они спустились по лестнице в столовую, придавленную ужасной люстрой, как две капли похожей на ту, что висела в вестибюле; она не была зажжена. Посередине стоял стол, достаточно большой для дюжины обедающих, накрытый скатертью из белого дамаска. На стол поставили канделябр. Длинные белые тонкие свечи напомнили Ноэми церковь.

Вдоль стен стояли буфеты, загроможденные фарфором, но больше всего серебром. Чашки и тарелки, помеченные стилизованным «Д» Дойлов, подносы и пустые вазы, которые раньше, возможно, сияли при свечах, а теперь казались потускневшими и унылыми.

Флоренс показала на стул, и Ноэми села. Фрэнсис уже сидел напротив нее, и мать заняла место рядом с ним. Вошла седовласая служанка и поставила перед ними тарелки с водянистым супом. Хозяева принялись за ужин.

– К нам больше никто не присоединится? – спросила Ноэми.

– Ваша кухня спит. Дядя Говард и кузен Вирджиль, возможно, спустятся попозже, – ответила Флоренс.

Ноэми разложила салфетку на коленях. Она не привыкла есть в такой час. Вечер – не время для супа; дома они наслаждались выпечкой, запивая ее кофе с молоком. Придется привыкать к новому расписанию *À l'Anglaise*⁷, как говорил их учитель французского. Интересно, они будут пить чай в четыре часа или в пять?

Тарелки молча забрали и так же молча принесли основное блюдо – курицу в неаппетитном кремевом белом соусе с грибами. Ноэми налила темное сладкое вино. Оно ей не понравилось.

Девушка ковыряла вилкой грибы, думая, как бы поддержать разговор. Точнее, начать его.

– Там по большей части серебряные изделия, да? – спросила она, кивнув на буфеты. – Это все из вашей шахты?

Фрэнсис кивнул:

– Да, еще с прошлых времен.

– А почему шахта закрылась?

– Были забастовки, и потом... – начал рассказывать Фрэнсис, но его мать резко подняла голову и уставилась на Ноэми:

– Мы не разговариваем во время ужина.

– Даже нельзя попросить передать соль? – беззаботно спросила девушка, крутя вилку в руке.

– Вижу, вы считаете себя ужасно забавной. Мы не разговариваем во время ужина. Таков порядок. В этом доме мы ценим тишину.

– Да ладно, Флоренс, мы же можем немного поговорить. Ради нашей гостьи, – сказал мужчина в темном костюме, заходя в комнату. Он опирался на руку Вирджиля.

«Старый» было бы неправильным словом для его описания. Он был древним, лицо испещрено морщинами, а к голове упорно липли редкие волосенки. Он был так же бледен, как подземное существо. Возможно, слизняк. С бледностью контрастировали тонкие паутинки фиолетовых и голубых вен.

Ноэми смотрела, как он, шаркая, бредет во главу стола и усаживается. Вирджиль сел справа от отца. Его стул стоял под таким углом, что молодой мужчина наполовину был окутан тенями.

⁷ На английский манер (фр.).

Служанка не принесла тарелку для старика – только бокал темного вина. Возможно, он уже поел и спустился ради гости.

– Сэр, меня зовут Ноэми Табоада. Приятно с вами познакомиться, – сказала девушка.

– А я Говард Дойл, отец Вирджилия. Хотя вы и так уже догадались.

На нем был старомодный галстук, шею скрывал узел. В качестве украшения на галстук, разумеется, серебряная булавка, а на указательном пальце сидело огромное янтарное кольцо. Взгляд старика был устремлен на Ноэми. Странно, он сам словно бы выцвел, но глаза были пронзительно-синими, не поблекшими от возраста и без всяких признаков глаукомы; они холодно горели на древнем лице, препарируя девушку.

– Вы намного темнее своей кузины, мисс Табоада, – сказал Говард Дойл, закончив ее рассматривать.

– Простите? – переспросила она, решив, что неправильно расслышала.

Старик показал на нее:

– Цвет кожи и волос. Намного темнее, чем у Каталины. Наверное, это отражает ваше индейское происхождение, а не французское. В вас же есть что-то индейское, да? Как и у большинства метисов.

– Мама Каталины из Франции. Мой отец из Веракруса, а мама из Оахаки. Мы *мазатеки*⁸ по ее линии. Но что вы хотите этим сказать? – сухо спросила она.

Старик улыбнулся. Напряженная улыбка, зубов не видно. Ноэми представила его зубы – наверняка желтые и поломанные.

Вирджиль махнул служанке, и перед ним поставили бокал вина. Другие продолжили молча есть. Значит, это разговор только между ними двумя.

– Ничего. Просто наблюдение. Теперь скажите мне, мисс Табоада, вы верите, как и мистер Васконселос, что это обязательство, нет, судьба народа Мексики – построить новую расу, которая объединит все расы? «Космическую расу»? «Бронзовую расу»? Несмотря на исследования Дэвенпорта и Стеггерда?

– Вы имеете в виду их работу на Ямайке?

– Великолепно! Каталина не обманула. Вижу, вы интересуетесь антропологией.

– Да, – ответила Ноэми. Ей не хотелось развивать эту тему дальше.

– Что вы думаете о смешивании высших и низших рас? – спросил он, игнорируя ее дискомфорт.

Ноэми почувствовала, что взгляды всей семьи устремлены на нее. Ее присутствие было чем-то новым, изменением в их рутине. Для них она была как чужеродный организм, введенный в стерильную обстановку. Они ждали ответа, чтобы проанализировать ее слова. Ну что же, получайте.

– Однажды я прочитала работу Гамио⁹, в которой тот говорит, что грубый природный отбор позволил коренному населению континента выжить, и европейцы лишь выиграют, смешавшись с ним, – произнесла она, касаясь вилки и ощущая под пальцами холодный металл. – Это переворачивает всю идею о высших и низших, да? – В этом ее «да?» слышался сарказм.

Старший Дойл, казалось, был доволен ответом, его физиономия становилась все более оживленной.

– Не злитесь на меня, мисс Табоада. Я не пытаюсь вас оскорбить. Ваш соотечественник Васконселос говорит о тайнах «эстетического вкуса», которые помогут создать эту «бронзовую расу», и, думаю, вы являетесь хорошим примером.

– Примером чего?

⁸ Племя индейцев в Мексике.

⁹ Гамио Мануэль (1883–1960) – мексиканский антрополог, археолог, социолог и лидер движения Автохтонизм.

Он снова улыбнулся, в этот раз показывая зубы. Они были не желтыми, как ей представлялось, а фарфорово-белыми и целыми. Но оголившиеся десны были неприятного фиолетового оттенка.

– Новой красоты, мисс Табоада. Мистер Васконселос ясно дает понять, что некрасивые не будут размножаться. Красота привлекает красоту и производит красоту. Это способ селекции. Видите, я делаю вам комплимент.

– Это очень странный комплимент, – выдавила из себя Ноэми, подавляя отвращение.

– Вы должны принять его. Я не раздаю комплименты направо и налево. Теперь я устал. Но не сомневайтесь – у нас был весьма бодрящий разговор. Фрэнсис, помоги мне подняться.

Молодой человек помог восковой фигуре встать, и они покинули столовую. Флоренс пила вино, осторожно прижимая тонкий бокал к губам. На присутствующих опустилась давящая тишина. Ноэми казалось, что если бы она прислушалась, то услышала бы сердцебиение матери и сына.

Как Каталина может жить в таком месте? Кузина всегда была милой, всегда присматривала за ними, младшими, с улыбкой на губах. Неужели эти люди заставляли ее сидеть в полной тишине за этим столом, в то время как жалкие свечи едва освещают комнату? И этот старик... Он тоже пытался завязать с ее кузиной неприятные разговоры? Каталину здесь доводили до слез? За их столом в Мехико отец любил загадывать загадки и предлагал награду ребенку, дававшему правильный ответ. Все было подругому.

Пришла служанка, чтобы забрать посуду. Вместе с ней вернулся Вирджиль. Он посмотрел на Ноэми и утвердительно произнес:

– Думаю, у вас ко мне вопросы.

– Да, – кивнула она.

– Давайте пройдем в гостиную.

Он взял со стола серебряный канделябр и провел ее по коридору в огромную комнату с таким же гигантским камином, как в столовой; черную каминную полку из грецкого ореха украшали резные цветы. Над камином висел натюрморт с розами, фруктами и изящными лозами винограда. Освещение обеспечивали керосиновые лампы на парных эбеновых столах.

На одном конце комнаты располагались поблекшие велюровые диванчики, рядом с ними стояло три стула, покрытые чехлами. Белые вазы собирали пыль, намекая, что когда-то в этом месте, возможно, собирались и веселились гости.

Вирджиль открыл шкафчик, достал графин с пробкой интересной формы в виде цветка и, наполнив два бокала, передал один Ноэми. Потом сел в величественное кресло из золотой парчи, стоящее у камина.

Ноэми тоже села.

Поскольку гостиная была хорошо освещена, она смогла лучше рассмотреть мужчину. Конечно же они встречались на свадьбе Каталины, но все прошло так быстро, что она уже плохо помнила, как он выглядит. У Вирджиля были светлые волосы, голубые глаза, но не такие яркие, как у отца, и властное холодное лицо. На нем были угольно-серый двубортный пиджак и такие же брюки. Выглядел он чопорно, хотя и предпочел отказаться от галстука, а верхняя пуговица рубашки была расстегнута, словно он пытался имитировать небрежность.

Ноэми не знала, как обращаться к нему. Ей было легко иметь дело с парнями ее возраста. Но Вирджиль был старше. По всему, она должна быть серьезной и контролировать свою природную склонность к флирту, чтобы он не посчитал ее глупой. Преимущество было на его стороне, но и у нее был определенный авторитет. Она была послом.

Кублай-хан¹⁰ отправлял гонцов через все государства, которые несли камень с его печатью, и любого, обидевшего посланника, предавали смерти. Каталина однажды рассказала ей эту историю. Пусть Вирджиль поймет, что у Ноэми в кармане невидимый камень.

– Очень мило с вашей стороны приехать так быстро, – сказал Вирджиль. Голос звучал сухо – вежливо, но без теплоты.

– Мне пришлось.

– Правда?

– Отец беспокоится, – ответила девушка.

Отец и был ее «камень». Она – Ноэми Табоада, и сюда ее послал сам Леокадио Табоада.

– Как я уже пытался объяснить ему, причин для волнения нет.

– Каталина сказала, что у нее туберкулез. Но не думаю, что это явствует из ее письма.

– Вы видели письмо? Что именно там сказано? – спросил он, наклоняясь вперед. Тон мужчины все еще был сух, но он казался обеспокоенным.

– Я не запомнила его наизусть. Но написанного Каталиной хватило, чтобы отец попросил меня поехать.

– Понятно.

Вирджиль повертел бокал в руках, отчего тот засиял и заискрился в отсветах огня. Откинулся назад в кресле. Он был красив, как статуя. Впрочем... его лицо напоминало посмертную маску.

– Каталине было нехорошо. Она страдала от высокой температуры и отправила письмо во время болезни.

– Кто лечит ее?

– Простите? – переспросил он.

– Кто-то должен лечить ее. Флоренс – она ваша кузина?

– Да.

– Ну, ваша кузина дает Каталине лекарства. А кто назначает лекарства? Кто врач?

Мужчина встал и, взяв кочергу, поворошил горящие поленья. В воздух взметнулись искры и приземлились на грязную многолетнюю пыль потрескавшейся плитки.

– Разумеется, у нее есть врач. Его зовут Артур Камминз. Он многие годы лечит нашу семью. Мы полностью доверяем доктору Камминзу.

– Ему не кажется, что ее поведение необычно, даже учитывая туберкулез?

Вирджиль усмехнулся:

– Необычно? Вы разбираетесь в медицине?

– Нет. Но мой папа послал меня сюда не потому, что у вас всё как обычно.

– Ваш отец в первом же письме написал о психиатрах. И потом писал об этом снова и снова, – презрительно заметил Вирджиль.

Ноэми было неприятно слышать, что об отце говорят в таком уничижительном тоне.

– Я поговорю с врачом Каталины, – произнесла она жестче, чем стоило.

Вирджиль сразу вернул кочергу на место быстрым движением руки:

– Вы требовательны, не так ли?

– Я бы не сказала, что требовательна. Скорее обеспокоена, – ответила Ноэми, натянув улыбку, чтобы показать: никакого недовольства с ее стороны.

Видимо, уловка сработала, потому что он кивнул:

– Артур приезжает каждую неделю. Он навестит Каталину и отца в четверг.

– Ваш отец тоже болен?

¹⁰ *Хубилай* – монгольский хан, основатель монгольского государства Юань, в которое входил и Китай. На Западе известен благодаря Марко Поло под именем «Кублай-хан».

– Мой отец стар. У него болезни, присущие всем людям его возраста. Если сможете дождаться, поговорите с Артуром в четверг.

– У меня пока нет намерений уезжать.

– Скажите, а как долго вы собираетесь оставаться у нас?

– Надеюсь, не очень долго. Пока не пойму, нужна ли я Каталине. Уверена, что смогу найти жилье в городе, если буду мешать вам.

– Эль-Триунфо – очень маленький городок. В нем нет отеля, нет даже постоянного двора. Вы можете жить здесь, я не пытаюсь вас выгнать. Наверное, мне бы просто хотелось, чтобы вы приехали по другой причине.

Признаться, Ноэми была бы рада найти отель. Дом жуткий, как и все его обитатели. В таком месте и правда легко заболеть.

Она попивала вино. Все тот же темный винтаж, что и в столовой, сладкий и крепкий.

– Ваша комната вам понравилась? – спросил Вирджиль. Его тон потеплел, стал немного сердечнее. Возможно, она все-таки не была ему врагом.

– Нормально. Странно, конечно, жить без электричества, но сомневаюсь, что кто-то умер от отсутствия лампочек.

– Каталина считает, что свечи – это даже романтично.

Ноэми подумала, что так и есть. Такое могло впечатлить ее кухню: старый дом на горе, туман и лунный свет, словно гравюра из готического романа. «Грозовой перевал» или «Джейн Эйр» – такие книги Каталина очень любила. Вересковые пустоши и паутина. Замки и злые мачехи, которые заставляют принцесс есть отравленные яблоки, темные феи, проклинающие невинных дев, и волшебники, превращающие красавцев в чудовищ... Ну уж нет, сама Ноэми предпочитала ходить с вечеринки на вечеринку и разъезжать в автомобиле с откидным верхом. А Каталине этот дом отлично подходил. Может, все дело в лихорадке?

Она держала бокал в руках, поглаживая край большим пальцем.

– Позвольте, я налью вам еще вина, – сказал Вирджиль, играя роль внимательного хозяина.

К этому напитку можно привыкнуть. Он уже почти усыпил ее, и Ноэми вздрогнула, когда услышала голос Вирджиля.

– Нет, спасибо, – сказала она, отставляя бокал в сторону и поднимаясь с кресла, которое оказалось удобнее, чем она думала.

– Я настаиваю.

Девушка грациозно покачала головой, сглаживая отказ проверенным способом:

– Боже, нет. Я вынуждена отказаться. Мне хочется завернуться в одеяло и спать.

В его глазах мелькнула искра. Он нашел в ней что-то интересное? Какой-то из ее жестов показался ему необычным? Наверное, просто позабавил отказ... Этот красавчик не привык к отказам. Многие мужчины точно такие же.

– Могу провести вас до комнаты, – галантно предложил Вирджиль.

Они поднялись наверх. Свет от масляной лампы, вручную разрисованной виноградными лозами, окрашивал все вокруг в странный оттенок. Бархатные портьеры казались зелеными, как трава. В какой-то из историй Каталины врагов Кублай-хана душили бархатными подушками, чтобы не проливать кровь. Ноэми подумала, что этот дом со всеми его коврами, тканями и кисточками на занавесках мог задушить целую армию.

4

Завтрак принесли на подносе. К счастью, Ноэми не пришлось спускаться к столу, чтобы позавтракать со всей семьей, но еще неизвестно, что принесет ужин. Возможность побыть одной сделала овсяную кашу, тост и джем аппетитнее. Из напитков был чай, который Ноэми не любила. Она пила кофе, предпочитала крепкий, а от этого чая веяло слабым фруктовым ароматом.

Приняв душ, девушка нанесла помаду и подвела глаза черным карандашом. Она знала, что ее огромные темные глаза и полные губы были ее главными достоинствами, и всегда подчеркивала их. Не спеша просмотрев наряды, выбрала фиолетовое платье из тафты с широкой клетчатой юбкой. Оно было слишком красивым, чтобы носить днем, в канун нового, 1950 года, восемь месяцев назад, она надела этот платье впервые, и тогда это было кстати. Но Ноэми тянуло к роскоши. К тому же ей хотелось бросить вызов окружающему мраку. Она решила, что так будет интереснее исследовать дом.

Да уж, тут точно было мрачно – солнечный свет не сделал Дом-на-Горе лучше. Ноэми ходила по первому этажу, открывала скрипящие двери и сталкивалась с призраками мебели, покрытой белыми простынями. Занавески везде были плотно задернуты. Там, где луч солнца все-таки проникал в комнату, в воздухе становились видны пляшущие пылинки. В коридоре работала каждая четвертая лампочка. Ясно, что большая часть дома не используется.

Ноэми думала, что у Дойлов будет пианино, пусть и расстроенное, но его не оказалось. Также она не могла найти ни радио, ни хотя бы граммофона. А она так любила музыку! Всё, от Августина Лара¹¹ до Равеля. И танцы. Какая жалость, что ее оставили без музыки!

Девушка прошла в библиотеку. Комнату по периметру украшал деревянный фриз с повторяющимся узором из листьев аканта, разделенный пилястрами. Книжные шкафы вдоль стен были заполнены томами в кожаных переплетах. Она потянулась за первой книгой наугад и увидела, что та изъедена плесенью; от книги пахло сладким запахом разложения. Ноэми поморщилась, захлопнула томик и вернула на место.

На полках также стояли старые выпуски журналов, включая «Евгеника: Журнал по улучшению расы» и «Американский журнал о евгенике».

Как подходяще, подумала она, вспомнив глупые вопросы Говарда Дойла. Ей стало интересно, хранит ли он линейки-калиперы для измерения черепа гостей.

В углу в одиночестве стоял глобус с устаревшими названиями стран, а у окна притулился мраморный бюст Шекспира. Посреди комнаты лежал огромный круглый ковер; взглянув на него, девушка разглядела, что он изображает черную змею на красном фоне, кусающую хвост. Змею окружали крошечные цветы и виноградные лозы.

Скорее всего, библиотеку содержали лучше всего – и уж точно чаще всего использовали, судя по отсутствию пыли. Но все равно помещение казалось запущенным: занавески поблекли до уродливого зеленого, и далеко не одна книга пострадала от плесени.

Дверь в другом конце соединяла библиотеку с большим кабинетом. Ноэми вошла. На стене висели три головы оленя. В углу стоял пустой шкаф для винтовок со стеклянными дверцами. Видно, когда-то обитатели дома охотились, но теперь перестали.

На столе из черного грецкого ореха Ноэми нашла еще несколько журналов по евгенике. В одном из них была помечена страничка. «Идея о том, что полукровки-метисы Мексики наследуют худшие черты родителей, скорее всего, ложная. Если на них и влияет кровь низшей расы, это происходит из-за нехватки правильных социальных моделей. Импульсивный темперамент

¹¹ Лар Августин (1900–1970) – мексиканский композитор, певец, продюсер и актер.

метисов требует раннего контроля. И тем не менее для них характерны многие положительные черты, включая здоровое тело...» – прочитала девушка.

Все ясно, можно больше не гадать, есть ли у Говарда Дойла калиперы. Вопрос скорее в их количестве. Возможно, они хранятся в одном из высоких шкафов позади нее... вместе с генеалогическим древом этой семейки. Рядом со столом стояло мусорное ведро, и Ноэми засунула туда просмотренный журнал.

Потом она направилась искать кухню, о местоположении которой вчера проинформировала Флоренс.

Кухня плохо освещалась, окна были узкими, со стен облезала краска. На длинной скамье сидели двое – морщинистая женщина ближе к семидесяти и мужчина с густой сединой в волосах, хотя ему было не так уж и много лет – наверное, около пятидесяти. С помощью круглой щетки они счищали грязь с грибов. Когда Ноэми вошла, работники подняли головы, но не поздоровались.

– Доброе утро, – сказала она. – Нас вчера не познакомили. Я – Ноэми.

Мужчина и женщина молча уставились на нее. Дверь открылась, и на кухню зашла еще одна женщина, тоже совсем седая. В руках она держала ведро. Ноэми узнала в ней служанку, разносившую блюда во время ужина. Она была примерно возраста мужчины. Служанка кивнула, и пара, сидящая на скамейке, тоже кивнула, прежде чем вернуться к работе. Неужели все в этом Доме-на-Горе следовали «правилу тишины»?

– Я...

– Мы работаем, – буркнул мужчина.

Все трое опустили взгляд. Их болезненные лица выражали безразличие к присутствию незнакомки в красивом платье. Возможно, Вирджиль или Флоренс сообщили им, что гостья не является важной персоной, поэтому не стоит светиться.

Ноэми в досаде прикусила губу и вышла из дома через черный ход, который только что открыла служанка. На улице снова висел туман и воздух был прохладным. Девушка пожалела, что не оделась поудобнее, в платье с карманами, куда могла бы положить сигареты и зажигалку. Она зябко поправила красный ребозо на плечах.

– Хорошо позавтракали? – спросил Фрэнсис; он шел вслед за ней.

Ноэми повернулась и посмотрела на него:

– Все хорошо. Как вы?

– Я? В порядке.

– Что это? – спросила она, показывая на деревянное строение неподалеку.

– Это сарай, там у нас генератор и топливо. За ним каретный сарай. Хотите посмотреть?

Потом можно пройти по кладбищу...

– Конечно.

Воображение рисовало, что в каретном сарае стоят дроги и две черные лошади, но вместо этого там находились две машины. Одна – тот самый роскошный автомобиль, на котором приехал за ней Фрэнсис. Вторая была новее, но выглядела намного скромнее. Каретный сарай огибала дорожка. Фрэнсис и Ноэми пошли по ней через деревья и туман, пока не добрались до железных ворот, украшенных изображением змеи, кусающей свой хвост, – тот же рисунок Ноэми видела в библиотеке.

Они шли по узкой тропинке. Деревья росли так близко друг к другу, что между ветвей едва пробивался свет. Возможно, раньше кладбище было ухоженным, но теперь тут царили сорняки. Надгробные плиты были покрыты мхом, у могил росли грибы. Даже деревья казались мрачными, хотя Ноэми не могла объяснить почему. Деревья и есть деревья.

Но заброшенность вносила свои темные краски, делая это место жутковатым, у нее аж мороз по коже пробежал.

Ноэми было жалко всех, похороненных здесь, впрочем, как и живущих в Доме-на-Горе. Тоже ведь как мертвецы... Она наклонилась, посмотрела на одну надгробную плиту, потом на другую и нахмурилась.

– Почему все они отмечены тысяча восемьсот восемьдесят восьмым годом? – спросила она.

– Ближайшая отсюда шахта до независимости Мексики управлялась испанцами, и на многие десятилетия ее забросили – считали, что там осталось мало серебра. Но дядя Говард считал по-другому. Он привез сюда современные английские машины, большую команду англичан и начал работать. Выработки были высокими, однако через несколько лет после открытия шахты разразилась эпидемия. Она убила большинство рабочих, и их похоронили здесь, – объяснил Фрэнсис.

– А потом? Что он сделал потом? Послал за другими рабочими из Англии?

– А... нет, не было необходимости... у него всегда были и мексиканцы-рабочие, большой контингент... но они здесь не все похоронены. Думаю, в Эль-Триунфо... Но лучше спросить дядю Говарда.

Ноэми подумала, что это к лучшему. Семьи местных рабочих, скорее всего, хотели бы навещать умерших, оставлять цветы на могилах, а это было бы невозможно, учитывая, что город находится довольно далеко.

Они пошли дальше. Внимание Ноэми привлекла мраморная статуя женщины с цветочным венком в волосах. Правая рука статуи указывала на усыпальницу. Над входом большими буквами вырезано «Дойл» вместе с фразой на латинском: *Et Verbum factum est*¹².

– Кто это? – спросила девушка. – Просто статуя?

– Нет. Считается, что это моя двоюродная бабушка Агнес, умершая во время эпидемии. Здесь похоронены все Дойлы: моя двоюродная бабушка, мои дедушка и бабушка, кузены, – сказал он и, видимо, испытывая неловкость, замолчал.

Тишина пугала Ноэми. Тишина кладбища, тишина этого странного дома... Она привыкла к шуму трамваев и автомобилей, пению канареек, веселому журчанию фонтана во внутреннем дворе, лаю собак и мелодиям, льющимся из радио, да еще у их повара была привычка, когда он готовил, напевать серенады из фильмов.

– Здесь так тихо, – сказала она и покачала головой. – Мне это не нравится.

– А что вам нравится? – с любопытством спросил Фрэнсис.

– Мороженое *zapote*, фильмы Педро Инфанте, музыка, танцы и машины, – перечислила девушка, загибая пальцы. Ей также нравилось болтать, но он мог это и сам заметить.

– Боюсь, не могу особо помочь с этим. А на какой машине вы ездите?

– На самом красивом «бьюике» в мире. С откидной крышей конечно же.

– Конечно же?

– Да! Веселее ехать без крыши над головой. Волосы развеваются, как у кинозвезды. И в голову приходят всякие идеи, думаешь лучше, – сказала она, игриво взъерошив свои волнистые волосы.

Почему-то вспомнилось брюзжание отца. Тот говорил, что она слишком много внимания уделяет своей внешности и вечеринкам, вместо того чтобы заниматься учебой всерьез. Хм... как будто женщина не может делать и то и другое одновременно!

– Какие идеи?

– Идеи для моей диссертации, когда я наконец доберусь до нее, – ответила Ноэми. – Идеи, что делать на выходных, да вообще какие угодно. Мне лучше всего думается в движении.

Фрэнсис смотрел на нее, но теперь опустил глаза.

– Вы отличаетесь от своей кухни, – сказал он.

¹² И слово стало плотью (*лат.*).

– Неужели вы тоже собираетесь сказать мне, что я темнее в смысле волос и кожи?

– Нет, – ответил он. – Я не имел в виду внешность.

– А что тогда?

– Думаю, вы очаровательны. – Его лицо исказила паника. – Не то чтобы вашей кухне не хватает очарования... Но вы очаровательны по-особенному, – быстро закончил он.

«Если бы ты только видел Каталину раньше!» – подумала девушка. Если бы он видел ее в городе, в красивом бархатном платье, с нежной улыбкой на лице и глазами, полными звезд. Но здесь, в затхлой комнате, ее глаза потухли, а болезнь, какой бы она ни была... Но, может, все не так плохо? Возможно, до болезни Каталина и здесь улыбалась своей милой улыбкой, брала мужа под руку и выводила на воздух посчитать звезды.

– Вы так говорите, потому что не видели мою маму, – беззаботно произнесла Ноэми, не желая делиться своим мнением о Каталине. – Она самая очаровательная женщина на земле. В ее присутствии я чувствую себя невзрачной и непримечательной.

Парень кивнул:

– Знаю, каково это. Вирджиль – наследник семьи, сияющая надежда Дойлов, а я...

– Вы завидуете ему?

Фрэнсис был очень худой, лицо – гипсовая маска святого, преследуемого своим мученичеством. Темные круги под глазами наводили на мысль, что он болен. А Вирджиль Дойл... тот был словно вырезан из мрамора. От него исходила сила, в то время как от Фрэнсиса – слабость. И черты лица Вирджиля – брови, скулы, полные губы – были намного привлекательнее.

Нельзя осуждать парня, если он мечтает быть похожим на красивого родственника.

– Да, завидую. Но завидую не его легкости в общении и тем более не его внешности и положению, я завидую его возможности путешествовать. Самое дальнее место, где я побывал, – Эль-Триунфо. Вот и все. А он попутешествовал. Недолго, всегда быстро возвращался, но все равно это хоть какая-то передышка. – В словах Фрэнсиса не слышалось горечи, только усталое смирение. – Когда мой отец был жив, он возил меня в город, и я смотрел на железнодорожную станцию. Я пытался запомнить расписание...

Ноэми поправила ребозо, пытаясь найти тепло в его складках, но на кладбище было сыро и оттого еще холоднее. Она могла поклясться, что температура за это время упала на пару градусов. Девушка поежилась, и Фрэнсис это заметил.

– Я дурак, – сказал он, снимая свитер. – Вот, наденьте.

– Все в порядке. Правда. Не могу дать вам замерзнуть из-за меня. Может, если пойдем назад, будет лучше?

– Ну, хорошо, но, пожалуйста, наденьте. Клянусь, я не замерзну.

Ноэми надела свитер и закрутила ребозо вокруг головы. Она думала, что Фрэнсис пойдет быстрее, чтобы согреться, но он не спешил домой. Скорее всего, он привык к туману и прохладе.

– Вчера вы спросили о серебряных предметах в доме. Вы были правы, это серебро из нашей шахты, – сказал он.

– Ее уже давно закрыли, верно?

Закрыли – она знала это. Вот почему ее отец не особо был рад свадьбе. Вирджиль был незнакомцем, а может, и охотником за приданым. Ноэми подозревала, что отец позволил Каталине выйти за него, потому что чувствовал вину за то, что прогнал ее предыдущего ухажера: Каталина и правда любила того парня.

– Это произошло во время революции. Тогда произошло много всего, одно привело к другому, и работа прекратилась. Год, когда родился Вирджиль, тысяча девятьсот пятнадцатый, стал концом. Шахты затопило.

– Тогда ему тридцать пять, – подсчитала Ноэми. – А вы намного младше.

– На десять лет, – кивнул Фрэнсис. – Разница достаточно большая, но все равно в детстве он был моим единственным другом.

– Но вы же должны были ходить в школу?

– Нас обучали в Доме-на-Горе.

Ноэми пыталась представить дом, наполненный смехом, пыталась представить детей, играющих в прятки, с волчком или мячом. Но не смогла. Дом бы такого не позволил. Он бы потребовал, чтобы дети сразу стали взрослыми.

– Можно задать вопрос? – спросила девушка, пока они обходили каретный сарай. Дом-на-Горе был хорошо виден – стена тумана расступилась. – Откуда у вас такое помешательство на тишине во время ужина?

– Дядя Говард очень стар и слаб и очень чувствителен к шуму. А в этом доме звук легко разносится.

– Даже до его комнаты наверху? Он не может слышать разговоры в столовой.

– Звук разносится, – с серьезным видом сказал Фрэнсис, не отрывая взгляда от старого дома. – В любом случае это его дом, и он устанавливает правила.

– И вы их не нарушаете.

Фрэнсис взглянул на нее немного растерянно, видно, ему и в голову такое никогда не приходило – нарушать. Ноэми была уверена, что этот парень никогда не пил много, не задерживался допоздна, не высказывал неправильное мнение в кругу семьи. А, ну да, он же никуда не выбирался из этого дома...

– Нет, – запоздало ответил он, и в его голосе снова послышалось смирение.

Когда они зашли на кухню, Ноэми сняла свитер и протянула ему. В кухне была одна служанка, та, что помоложе, – она сидела у плиты. Занятая работой, женщина не подняла на них взгляд.

– Оставьте себе, – вежливо предложил Фрэнсис.

– Но я не могу красть вашу одежду.

– У меня есть другие свитера.

– Спасибо, – кивнула девушка.

Парень улыбнулся.

В кухню зашла Флоренс, одетая в платье темно-зеленого цвета; она строго посмотрела на Фрэнсиса и Ноэми, словно они маленькие дети, пытающиеся стащить запретную коробку конфет.

– Пойдемте со мной на обед, – сказала она.

В этот раз за столом они были только втроем. Старик не появился, как и Вирджиль. С обедом справились быстро, и Ноэми вернулась в свою комнату.

Позже ей принесли поднос с ужином, и она сделала вывод, что совместный ужин в столовой – только для первого вечера, да и обед в компании Фрэнсиса и его матери, скорее всего, был исключением. Вместе с подносом ей принесли масляную лампу, которую она поставила у кровати. Не зная, чем себя занять, попыталась почитать книгу «Ведьмовство, оракулы и магия народа азанде»¹³, которую привезла с собой, но постоянно отвлекалась. Здесь и правда хорошая слышимость, подумала она, сосредоточившись на скрипе половиц.

Ее взгляд привлекло небольшое пятно плесени на обоях в углу. Она вспомнила про зеленые обои, так любимые жителями Викторианской эпохи. В этих обоях содержался мышьяк. Так называемая парижская, или шеелева, зелень. Разве не было в одной прочитанной ею книге что-то о микроскопическом грибокке, который мог действовать на краску и вызывать пары, вредные для людей?

¹³ *Азанде* – этническая группа севера Центральной Африки.

Грибок пожирал глину на стене, вызывая невидимые химические реакции. Она не могла вспомнить название смертоносного грибка – на кончике языка вертелось латинское слово *brevicaule*, но *brevicaule* – это, кажется, кактус... Ее дедушка был химиком, а бизнес отца состоял в производстве пигментов и красок, поэтому Ноэми знала, что нужно смешать сульфид цинка и сульфат бария, чтобы получить литопон... о господи, зачем нужна эта информация?

Хотя нет, обои не были зелеными. Даже близко не были. Скорее блекло-розовые, цвета увядших роз, да еще и с уродливыми желтыми одуванчиками. На обоях были медальоны или круги – если присмотреться, можно подумать, что это венки. Возможно, она предпочла бы зеленые обои...

Когда девушка закрыла глаза, желтые круги затанцевали, словно вспышки цвета на черном.

5

Утром Каталина снова сидела у окна. Она казалась отстраненной, как и в прошлый раз. Ноэми вспомнила рисунок, висящий у них дома: Офелия, которую сквозь стену тростника утягивает течение. Каталина была похожа на нее. И все же было приятно видеть кузину, держать ее за руку (ледяную) и рассказать о жизни в Мехико.

Она подробно описала выставку, которую посетила три недели назад, зная, что такое Каталину интересует, а потом передразнила пару друзей, чем заставила кузину рассмеяться.

– Ты так хорошо изображаешь людей. Скажи, ты все еще увлекаешься театральным искусством? – спросила она.

– Нет. Я переключилась на антропологию. Хочу получить степень магистра. Разве звучит не интересно?

– У тебя постоянно новые идеи, дорогая. Всегда новая цель.

Ноэми часто слышала эти слова. Наверное, ее семья была права, что скептически смотрела на ее учебу в университете, учитывая, что она трижды за день меняет мнение насчет того, что ей интересно. Но она точно знала, что хотела сделать в своей жизни что-то особенное. Она еще не решила, что именно, но антропология казалась более многообещающей, чем все ее предыдущие увлечения.

В любом случае, когда об этом заговорила Каталина, Ноэми не возражала, потому что слова кузины никогда не были похожи на упреки родителей. Каталина словно бы состояла из вздохов и фраз, нежных, как кружево. Она была мечтательницей и поэтому всегда охотно верила в мечты Ноэми.

– А чем ты занималась все это время? Не думай, будто я не заметила, что ты почти не писала нам. Ты притворялась, что жила на обдуваемой ветрами вересковой пустоши, как в «Грозовом перевале?» – спросила Ноэми, зная, что Каталина зачитала страницы этой книги до дыр.

– Нет. Дело в доме. Он занимает большую часть моего времени... – сказала Каталина, протягивая руку и касаясь бархатных занавесок.

– Ты планировала обновить его? Я бы не стала тебя винить, если б ты сровняла его с землей и отстроила заново. Он довольно-таки жуткий, да? И холодный.

– Влажный, – поправила Каталина. – Он влажный.

– Прошлой ночью я замерзла чуть ли не до смерти и в своей борьбе с холодом влажности не заметила.

– Здесь всегда влажно, темно и да, очень холодно.

Улыбка на губах Каталины погасла.

Внезапно она взглянула на Ноэми, потом наклонилась вперед и зашептала:

– Мне нужно, чтобы ты сделала мне одолжение, но никому не говори об этом. Ты должна мне пообещать. Обещаешь?

– Обещаю.

– В городе живет одна женщина. Ее зовут Марта Дюваль. Она готовит для меня лекарство, но оно уже закончилось. Ты должна пойти к ней и попросить приготовить еще. Понимаешь?

– Да, конечно. А что за лекарство?

– Не важно. Важно, чтобы ты это сделала. Сделаешь? Пожалуйста, пообещай, что пойдешь к ней и никому не скажешь.

– Да, если ты этого хочешь.

Каталина кивнула. Она так крепко сжала руку Ноэми, что ее ногти пронзили мягкую кожу запястья.

– Каталина, я поговорю с...

– Тс... Они слышат тебя, – сказала Каталина и затихла.

– Кто меня слышит? – не понимая, спросила Ноэми.

Каталина медленно наклонилась и прошептала ей на ухо:

– Это в стенах...

– Что? – Ноэми задала вопрос машинально, поскольку ей было трудно придумать, что спросить у Каталины, которая смотрела на нее пустыми, словно бы ничего не видящими глазами. У нее было лицо сомнамбулы.

– Стены... стены говорят со мной. Рассказывают секреты. Не слушай их, прижимай ладони к ушам, Ноэми. Здесь есть привидения. Они настоящие. Когда-нибудь ты их увидишь.

Внезапно Каталина отпустила кузину, встала и выглянула из окна. У Ноэми на языке вертелись тысячи вопросов, но тут зашла Флоренс.

– Приехал доктор Камминз. Ему нужно осмотреть Каталину, а с вами он встретится в гостиной чуть позже, – сказала женщина.

– Я не против остаться, – заметила Ноэми.

– Но он будет против! – отрезала Флоренс решительным тоном.

Ноэми могла бы и дальше протестовать, но решила не затевать спор. Она чувствовала, что настаивать сейчас – значит добиться враждебного отказа. Они распрощаются с ней, если она станет проблемой. Ноэми была гостьей, но понимала, что она – неприятный для них гость.

* * *

Когда Ноэми раздвинула занавески, гостиная показалась не такой гостеприимной, как вечером. Во-первых, здесь было прохладно, огонь, обогревающий комнату, давно превратился в пепел. Свет из окна лишь сильнее подчеркивал все недостатки. Выцветшие велюровые диванчики казались болезненно-зелеными, чуть ли не цвета желчи, а по эмалевым плитам, обрамляющим камин, пробегало множество трещин. Небольшую масляную картину, изображающую гриб с разных углов, атаковала, как ни иронично, плесень, черные крохотные точки искажали цвета и портили вид. Ее кухня была права насчет сырости.

Ноэми потеряла запястье, глядя на след, оставшийся от ногтей Каталины, и стала ждать, пока врач спустится к ней. Он не спешил, а когда наконец появился, то был не один – с ним пришел Вирджиль. Ноэми села на один из зеленых диванчиков, доктор устроился на другом, поставив черную кожаную сумку рядом с собой. Вирджиль остался стоять.

– Меня зовут Артур Камминз, – представился доктор. – А вы, должно быть, мисс Ноэми Табоада.

На нем была одежда хорошего покроя, но устаревшая на десятилетие или два. Казалось, все, кто посещал Дома-Горе, потерялись во времени, но, наверное, в таком маленьком городке нет особой необходимости обновлять гардероб. И тем не менее одежда Вирджиля соответствовала моде. Либо он купил себе новый гардероб, когда в последний раз приезжал в Мехико, либо считал себя особенным и достойным больших трат на одежду. Возможно, деньги его жены позволяли роскошь.

– Да. Спасибо, что согласились поговорить со мной, – кивнула Ноэми.

– Для меня это удовольствие. Вирджиль говорит, что у вас ко мне есть пара вопросов.

– Так и есть. Мне сказали, что у моей кузины туберкулез...

Она хотела продолжить, но врач не дал ей это сделать.

– Это правда, – сказал он. – Но ничего серьезного. Мы ей давали стрептомицин, чтобы помочь справиться с болезнью, но успокоительное все еще актуально. Много сна, отдых и правильное питание – вот настоящие лекарства от этой болезни. – Камминз снял очки и, вытащив платок, начал протирать линзы, не прекращая говорить: – При высокой температуре – пузырь

со льдом на голову или растирка алкоголем. Все пройдет. Вскоре она будет совершенно здорова. А теперь, если вы позволите...

Он убрал очки в нагрудный карман пиджака, несомненно, собираясь закончить разговор, но теперь наступила очередь Ноэми:

– Нет, пока не позволяю. Каталина мерзнет, у нее ледяные руки. Я помню, как в моем детстве тетя Брихида болела туберкулезом, и с ней все было совсем не так, как с Каталиной.

– Все пациенты разные.

– Кузина написала отцу очень странное письмо, и она совсем не похожа на себя, – заметила Ноэми, пытаясь вложить в слова свои впечатления. – Она стала другой. Туберкулез не меняет человека, разве что, как и всякая болезнь, усиливает некоторые черты характера. Ну, тогда, значит, с Каталиной явно что-то не так, потому что она никогда не была апатичной. Уж я-то ее знаю.

Врач снова вытащил очки и нацепил на нос, словно желая получше рассмотреть девушку. Судя по всему, увиденное ему не понравилось, и он нахмурился.

– Вы не дали мне договорить, – ворчливо пробормотал он. – У вашей кузины подвижная психика, она нервная, впечатлительная и немного меланхоличная. Вероятно, так было всегда, а болезнь лишь усилила это.

– Каталина не нервная.

– Как врач, я заметил у нее склонность к депрессии.

Ноэми вспомнила отца. Он назвал Каталину склонной к мелодраме. Хорошо, пусть так, но в Мехико Каталина уж точно никогда не слышала какие-то голоса. И на ее лице не было этого странного выражения.

– О какой депрессии вы говорите? – спросила Ноэми.

– Когда ее мать умерла, Каталина замкнулась в себе. У нее бывали долгие периоды меланхолии, она плакала в комнате и говорила бессмыслицу, – вместо доктора ответил Вирджиль. – Теперь все еще хуже.

– Верно, ее мать умерла, – повернулась к нему Ноэми. – Но это произошло многие годы назад, когда Каталина была маленькой девочкой.

– Бывает и так, что некоторые вещи возвращаются.

– Туберкулез не самая приятная болезнь, – снова вступил в разговор Камминз. – Изоляция, физические симптомы... Ваша кузина страдала от озноба и потовыделения ночью, это неприятно, уверяю вас, а лекарства дают лишь временное облегчение. Глупо ожидать, что она так сразу будет веселой и полной сил.

– Простите, я волнуюсь. Она все-таки моя кузина.

– Да, но, если и вы начнете нервничать, никому лучше не станет, так? – Голос Камминза был мягким. – Ну, мне пора. Увидимся на следующей неделе, Вирджиль.

– Доктор... – растерянно пробормотала Ноэми.

– Нет-нет, мне пора, – повторил Камминз, поклонился Ноэми, схватил свой саквояж и вышел из гостиной.

Ноэми кусала губы от досады. Она бросила взгляд на Вирджиля. У этого человека лед в венах. Неужели он действительно ухаживал за Каталиной? Трудно представить, что он способен проявлять чувства к живому существу.

– Доктор Камминз – прекрасный врач, – заметил Вирджиль безразличным голосом. – Сначала нашим семейным врачом был его отец, а теперь Артур следит за нашим здоровьем. Уверяю вас, мне не в чем его упрекнуть. Да, кстати, его отца тоже звали Артуром.

– Я не сомневаюсь, что он хороший врач.

– По вашему тону этого не скажешь.

Ноэми пожала плечами и выдавила улыбку. Это лучше, чем ссориться.

– Если Каталина больна, возможно, ей будет лучше в санатории ближе к Мехико, там, где о ней смогут правильно позаботиться, – сказала она.

– Вы считаете, что я плохо забочусь о жене?

– Я такого не говорила. Но этот дом холодный, а вечный туман за окном – не тот пейзаж, чтобы поднять дух.

– Вас с этой миссией послал отец? – спросил Вирджиль. – Приехать и забрать Каталину? Девушка покачала головой:

– Нет.

– А похоже, что так, – холодно произнес он. – Я понимаю, что мой дом переживает не лучшие времена. Но когда-то он был маяком, сияющим бриллиантом, а шахта производила столько серебра, что мы могли наполнить шкафы шелками и бархатом, а бокалы – лучшим вином. Теперь это не так. Но мы знаем, как заботиться о больных. Мой отец болен, его здоровье оставляет желать лучшего, и все же мы хорошо о нем заботимся. Я не согласился бы на меньшее для женщины, на которой женился.

– И все же я хотела бы спросить... Может, Каталине нужен специалист в другой области? Психиатр...

Вирджиль засмеялся так громко, что она вздрогнула, поскольку до этого момента лицо его было серьезным. Смех был неприятным, как будто ворон каркает. Его взгляд застыл на ней.

– Психиатр! И где поблизости вы найдете такого? Думаете, его можно сотворить из воздуха? В городе есть государственная клиника с одним врачом, и все. За психиатром вам придется ехать в Пачуку, может, даже в Мехико. И сомневаюсь, что он приедет сюда.

– Насколько я понимаю, когда человек болен, собирают консилиум. Пусть Каталину посмотрит еще кто-то кроме вашего Камминза. Тот же доктор из клиники может высказать свое мнение, разве нет?

– Когда-то мой отец привез из Англии своего врача, и это не было его прихотью. Город беден, и люди здесь грубы, примитивны. За много лет почти ничего не изменилось. Здесь нет хороших врачей.

– Я наста...

– Да, да, знаю, что вы будете настаивать, – сказал Вирджиль, вставая. Голубые глаза смотрели на нее недобро. – Вы обычно получаете то, что хотите, не так ли, мисс Табоада? Ваш отец делает все, о чем вы просите. Мужчины делают так, как вы хотите.

В эту минуту Вирджиль напоминал парня, с которым она танцевала на вечеринке прошлым летом. Они кружились в быстром *дансу*¹⁴, а потом парень притянул ее слишком близко и постарался поцеловать. Она отвернулась, а когда взглянула на него, то увидела темную насмешку на его лице. Вирджиль смотрел на нее с такой же насмешкой.

– Что вы имеете в виду? – спросила она.

– Помню, Каталина рассказывала, как вы умеете настоять, если хотите, чтобы ухажер сделал все по-вашему. Я не стану с вами спорить. Зовите другого врача, если хотите, – сказал он и вышел из комнаты.

Ноэми было приятно, что она задела его. Наверное, он ожидал, что она просто согласится с ним. Однако он прав: она всегда получает то, что хочет.

* * *

Той ночью ей снилось, что на стенах комнаты вырос золотой цветок. Цветок? У него были щупальца, и рядом с этим нецветком росли тысячи других крошечных золотых шаров.

¹⁴ Кубинский народный танец.

Грибы, подумала Ноэми, узнавая луковицеобразные формы. Она подошла к стене, заинтригованная и привлеченная свечением. Коснулась руками поросли.

Золотые шары стали взрываться светящейся пылью. Все руки были в этой пыли.

Она попробовала стереть ее, но пыль липла к коже. Нет, не получается...

Вся комната осветилась мягким светом. Посмотрев вверх, Ноэми увидела, что пыль сверкает на потолке подобно россыпям звезд; опустила глаза – пыль вихрилась над ковром, похожая на поток воды под солнцем. Внезапно она поняла, что в комнате кто-то есть. Подняла голову и увидела у двери женщину в платье со старинными кружевами. На месте лица было сияние, золотое, как пыль вокруг. Ноэми словно бы смотрела на светлячка в летнем ночном небе.

Вдруг стены начали дрожать. Странная женщина тоже дрожала. Доски пола под ее ногами пульсировали. Казалось, что где-то за стенами бьется живое сердце. Золотая пыль свилась в нити, опутавшие стены подобно сетке. Ноэми заметила, что платье женщины соткано из тех же нитей.

Женщина подняла руку в перчатке и показала на Ноэми, открыла рот... но рта не было, поскольку ее лицо было светящимся пятном, и никаких слов не последовало.

Ноэми не испытывала страха. Но попытка женщины заговорить ввергла ее в ступор. Страх прошелся по позвоночнику к ногам и заставил прижать руки к губам. Но... губ у нее не было, а когда она попыталась отойти на шаг назад, выяснилось, что ноги приросли к полу.

Золотая женщина потянулась к ней и обхватила лицо ладонями. Послышался звук, похожий на жужжание насекомых в угольно-черной мгле, и Ноэми захотелось прижать руки к ушам, но и рук у нее тоже не было.

* * *

Вся вспотевшая, девушка открыла глаза. Минуту она не могла понять, где находится, а потом вспомнила: в Доме-на-Горе. Она потянулась за стаканом воды, оставленным на прикроватном столике, и чуть не перевернула его. Выпила весь стакан и осмотрелась.

Комната была погружена во мрак. На поверхности стен не было никаких пятен света. Тем не менее какой-то порыв заставил ее пробежаться руками по стене, словно она хотела убедиться, что за обоями не пряталось ничего странного.

6

Ноэми решила, что, если ей нужна машина, лучше всего обратиться к Фрэнсису. Она сомневалась, что Флоренс снизойдет до ответа, даже если спросить, который сейчас час, а Вирджиль взбесил ее накануне. Этот красавчик сказал, что мужчины делают то, что она хочет. Ей было неприятно, что о ней так плохо думают. Ноэми хотелось нравиться. Возможно, это объясняло тягу к вечеринкам, звонкий смех, перемену причесок, отрепетированные улыбки. Она считала, что мужчины могут быть суровыми, как ее отец, и могут быть холодными, как Вирджиль, но женщинам нужно нравиться, или им придется туго. Женщина, которая не нравится, стерва, а стерва вряд ли сможет чего-то добиться: все дороги перед ней закрыты.

Ну ее точно невзлюбили в этом доме, но Фрэнсис был достаточно дружелюбным. Ноэми нашла его рядом с кухней – фигура, выточенная из слоновой кости. Глаза парня на сей раз казались полными энергии. Он улыбнулся Ноэми. Когда он улыбался, в нем появлялся шарм. Конечно, ему далеко до кузена – Вирджиль был ужасно привлекательным, большинству мужчин было бы трудно соревноваться с ним. Несомненно, на это и клюнула Каталина. Красивое лицо. Или, может, атмосфера таинственности вокруг него заставила ее забыть о разуме.

«Благородная бедность, – сказал отец Ноэми. – Вот что этот мужчина может ей предложить».

Видимо, также и странный старый дом, где по ночам снятся кошмары.

Боже, город отсюда казался таким далеким...

– Могу я попросить вас об одолжении? – спросила Ноэми, когда они обменялись утренними любезностями. Она взяла Фрэнсиса под руку быстрым отточенным движением, и они вместе двинулись вперед. – Я хотела позаимствовать одну из ваших машин и поехать в город. Мне нужно отправить письма. Папа не знает, как у меня тут дела.

– Вам нужно, чтобы я подвез вас?

– Я сама могу доехать.

Фрэнсис нахмурился, колеблясь:

– Не знаю, что на это скажет Вирджиль.

Ноэми пожала плечами:

– Вам не нужно говорить ему об этом. Что, думаете, я не умею водить? Если хотите, покажу водительское удостоверение.

Фрэнсис пробежал рукой по светлым волосам:

– Дело не в этом. У семьи особое отношение к машинам.

– А у меня особое отношение к езде в одиночку. Мне точно не нужна компаньонка. И из вас в любом случае получилась бы ужасная компаньонка.

– Почему?

– Где это слыхано, чтобы мужчина был компаньонкой? Компаньонка – это занудливая тетка. Я могу одолжить вам одну на выходные, если захотите. Но это будет стоить вам машины. Помогите, пожалуйста... Я в отчаянии.

Фрэнсис засмеялся ее белиберде. Он взял ключи с крюка в кухне. Лиззи, одна из служанок, раскатывала тесто на покрытом мукой столе. Она не обратила внимания ни на Ноэми, ни на Фрэнсиса. Слуги в Доме-на-Горе были почти что невидимками, как в одной из сказок Каталины. «Красавица и Чудовище» или нет? Невидимые слуги, готовящие еду и накрывающие стол. Смешно. Ноэми знала всех работающих в доме отца по имени, и им точно не мешали болтать. То, что она узнала имена слуг в Доме-на-Горе, уже казалось маленьким чудом – она спросила Фрэнсиса, и парень вежливо представил всех троих: Лиззи, Мэри и Чарльз; как и фарфор в буфетах, слуг привезли сюда из Англии десятилетия назад.

Они подошли к сараю, и Фрэнсис передал девушке ключи от машины.

- Не заблудитесь? – спросил он, облокотившись на окно машины и глядя на нее.
- Я справлюсь.

Правда. Тут и захочешь – не заблудишься, дорога ведет вверх и вниз с горы. Сейчас Ноэми поехала вниз, в маленький городок. Она опустила окно, чтобы насладиться свежим горным воздухом. Не такое уж и плохое место, мелькнула мысль. Если, конечно, выбраться из дома. Именно дом все портил.

Ноэми припарковала машину вблизи городской площади, решив, что и почта, и клиника должны быть где-то здесь. Она оказалась права и вскоре увидела небольшое зелено-белое строение, на котором была табличка «Больница». Внутри стояло три зеленых стула и висело несколько плакатов, рассказывающих о различных болезнях. Здесь же находилась и стойка администратора, однако за ней никого не было.

Ноэми подошла к двери, на которой значилось имя врача: «Хулио Эусебио Камарильо».

Спустя несколько минут дверь открылась и оттуда вышла женщина, держа малыша за руку. Потом молодой парень высунул голову и приветливо кивнул ей:

- Добрый день. Чем могу помочь?
- Меня зовут Ноэми Табоада, – ответила девушка. – Вы доктор Камарильо?

Для доктора он казался слишком молодым. У него были короткие темные волосы с пробором посредине и маленькие усики. Из-за них он выглядел забавно, словно ребенок, играющий во врача. Белого халата на нем также не было – бежево-коричневый свитер и брюки.

– Это я. Заходите. – Когда он улыбался, на щеках появлялись ямочки.

На стене в кабинете Ноэми и правда увидела сертификат Национального автономного университета Мексики с его именем, написанным элегантным почерком. Тут также стоял шкаф с открытыми дверцами, наполненный коробочками и пузырьками. В углу в желтом горшке росла агава.

Доктор Камарильо сел за стол, а Ноэми заняла место на пластиковом стуле, таком же, как и в коридоре.

– Не думаю, что мы встречались раньше...

– Я не отсюда, – ответила девушка, положив сумку на колени и наклоняясь вперед. – Я приехала навестить кузину. Она больна, и я подумала, может, вы посмотрите ее? У нее туберкулез.

– Туберкулез? В Эль-Триунфо? – удивленно спросил доктор. – Ничего не слышал о таком.

– Не в самом Эль-Триунфо. В Доме-на-Горе.

– В доме Дойлов, – запнувшись, сказал Камарильо. – Вы их родственница?

– Нет. Ну да... Через кузину. Вирджиль Дойл женат на моей кузине Каталине. Я надеюсь, что вы сможете осмотреть ее.

Камарильо смутился:

– Но разве ее не наблюдает доктор Камминз? Он их врач.

– Мне бы хотелось услышать еще одно мнение, – сказала Ноэми и объяснила, какой странной ей показалась Каталина, поделившись подозрением, что кузине может понадобиться помощь психиатра.

Доктор Камарильо терпеливо выслушал ее. Когда девушка закончила, он покрутил карандаш в руке.

– Дело в том, что мне вряд ли будут рады в Доме-на-Горе. У Дойлов всегда был свой врач. Они не общаются с городскими... Когда еще работала шахта, они наняли мексиканских работников. Те жили в лагере в горах, и о них заботился старший Камминз. Вы знаете, когда шахта еще была открыта, разразилась эпидемия. Многие шахтеры погибли... У Камминза было много работы, но он никогда не просил помощи у местных врачей. Наверное, Дойлы невысокого мнения о нас.

– А что за эпидемия?

Камарильо трижды постучал по столу резинкой карандаша.

– Было непонятно. Высокая температура, что-то странное... Люди говорили странные вещи, бредили, дергались в конвульсиях, случалось, нападали друг на друга. Многие умерли, потом все снова было хорошо, но несколько лет спустя таинственная болезнь вернулась.

– Я видела английское кладбище, – сказала Ноэми. – Там много могил.

– Это только англичане. Остальные похоронены в других местах. Говорили, что в последнюю эпидемию, а это примерно в начале революции, Дойлы даже не отправляли тела вниз для достойных похорон. Просто кидали в общую яму.

– Такого быть не может, разве нет?

– Кто знает...

В ответе явно слышалось осуждение. Камарильо не сказал: «Ну, я в этом уверен», но, судя по всему, у него не было причин думать по-другому.

– Должно быть, вы из Эль-Триунфо, раз знаете обо всем этом.

– Да, так и есть, – сказал он. – Моя семья поставляла продукты работникам шахты Дойлов, а когда ее закрыли, они переехали в Пачуку. Я учился в Мехико, но теперь вернулся. Мне хотелось помочь людям здесь.

– Тогда вам стоит начать с помощи моей кухне, – сказала Ноэми. – Приедете в дом?

Доктор Камарильо улыбнулся, но покачал головой, словно извиняясь:

– Боюсь, у меня будут проблемы с Камминзом и Дойлами.

– Что они могут вам сделать? Вы же городской врач.

– Клиника общественная, и мне платит государство. Но Эль-Триунфо мал, и здесь много нуждающихся. Знаете, когда испанцы контролировали шахту, мои земляки могли продержаться, торгуя свечным воском для шахтеров. А теперь нет... У нас здесь есть церковь и очень приятный священник, он собирает пожертвования для бедных, – зачем-то сообщил он.

– Бьюсь об заклад, Дойлы кладут деньги в ящик для пожертвований, а священник – ваш друг, – улыбнулась Ноэми.

– Не угадали. Камминз иногда кладет деньги в ящик, но Дойлы – нет. Однако все знают, что у них много денег.

Ноэми сомневалась в этом, ведь шахта была закрыта более трех десятилетий назад. Но на банковском счету Дойлов, должно быть, все же хранился скромный запас, который позволял жить вполне приемлемо в такой глуши.

И что теперь? Она решила воспользоваться театральными уроками, которые ее отец считал пустой тратой денег.

– Тогда вы мне не поможете... Вы боитесь их! А у меня тут и друзей нет... – Губы драматично задрожали.

Мужчины всегда паниковали в такие моменты, опасаясь потока слез. Никому не хочется возиться с истеричной женщиной.

Камарильо сразу же сделал успокаивающее движение:

– Я такого не говорил!

– Значит, вы все-таки приедете? – В голосе Ноэми прозвучала надежда. Она одарила доктора кокетливой улыбкой, которую обычно использовала, если хотела, чтобы полицейский отпустил ее без штрафа за превышение скорости. – Доктор, для меня будет много значить, если вы поможете.

– Но я не психиатр...

Ноэми вытащила из сумочки платок и промокнула глаза – небольшое напоминание, что она в любой момент может расплакаться.

– Я могла бы отправиться в Мехико, но не хочу оставлять Каталину одну. Вы бы спасли меня от длинного путешествия туда и обратно. Поезд ведь даже не каждый день ходит. Ох, доктор, вы бы оказали мне такую услугу...

Ноэми посмотрела на доктора, и тот со вздохом кивнул.

– Хорошо, я заеду около полудня в понедельник.

– Спасибо, – ответила она, быстро вставая и пожимая его руку. Уже направляясь к двери, она вспомнила о просьбе Каталины: – Простите, вы случайно не знаете Марту Дюваль?

– Вы и к ней решили обратиться?

– Почему вы так говорите?

– Она знахарка.

– Знахарка? А вы знаете, где она живет? Моя кузина попросила забрать у нее лекарство.

– Да что вы?.. Ну, наверное, в этом есть смысл. Наши женщины часто обращаются к Марте. Чай гордолобо – популярное приворотное средство.

– Ну и как, помогает?

– Ну, как сказать... Он неплох при кашле.

Они посмеялись вместе, потом Камарильо склонился над листком, нарисовал схему, как пройти к дому Марты Дюваль, и передал листок девушке. По его словам, это было неподалеку.

Ноэми решила обойтись без машины: улицы городка были извилистыми, дома располагались хаотично, и добраться пешком наверняка получится быстрее.

Несколько раз ей пришлось спрашивать направление, несмотря на схему. Мужчины пожимали плечами, зато женщина, стирающая белье во дворе, отложила мыло и уверенно махнула рукой, она точно знала, где найти Марту Дюваль.

Чем дальше Ноэми отходила от центральной площади и церкви, тем очевиднее становилась запущенность городка. Дома сменились хижинами, все казалось серым и пыльным. Некоторые жилища были брошены, в них не осталось ни окон, ни дверей – должно быть, соседи растащили все самое ценное. По улицам бродили худые козы и куры. Когда Фрэнсис вез ее со станции, он выбрал самый живописный путь, теперь она понимала это.

Дом знахарки был очень маленьким и выглядел довольно ухоженным, во всяком случае, стены покрашены белой краской. У дверей на трехногой табуретке сидела пожилая женщина в голубом переднике поверх скромного платья, волосы заплетены в длинную косу. Рядом с ней стояли две миски. Она чистила арахис и в одну миску кидала скорлупу, а в другую – зерна. При этом она напевала что-то себе под нос и на Ноэми даже взгляда не подняла.

– Простите, – сказала Ноэми. – Мне нужна Марта Дюваль.

Пожилая женщина перестала напевать.

– Никогда не видела таких красивых туфель, как у тебя, – сказала она.

Ноэми взглянула на свои черные туфли на высоких каблуках:

– Спасибо.

Женщина расколола еще один орех и кинула в миску. Потом встала:

– Я и есть Марта.

Она поднялась и пошла в дом, неся в руке по миске.

Ноэми проследовала за ней на маленькую кухню, которая одновременно служила столовой. На стене висело изображение Девы Марии, а книжная полка была заставлена фигурками святых, свечами и бутылками с настояками. С потолка свисали травы. Ноэми узнала лаванду, эпазот и руту. Конечно же ей приходилось слышать о знахарках, которые лечат травами от всего: от похмелья, от лихорадки и от сглаза, но раньше Каталина никогда не стала бы обращаться к ним. Как-то Ноэми попыталась обсудить с ней книгу «Ведьмовство, оракулы и магия народа азанде» – она читала ее очень долго, – но кузина и слышать не захотела об этом. Одно лишь слово «ведьмовство» испугало ее. И вот тебе пожалуйста! Знахарку Дюваль от ведьм отделяло всего два шага. Наверняка она излечивает испуг, положив крест из пальмы на чью-то голову.

Как же ее кузина пересеклась с этой Мартой Дюваль?

Пожилая женщина поставила миски на стол и отодвинула стул. Когда она уселась, послышался шорох крыльев, испугавший Ноэми, но ничего необычного не произошло – на плечо женщины слетел попугай.

– Садись, – сказала Марта гостье, взяла очищенный арахис и протянула попугаю. – Чего ты хочешь?

Ноэми села напротив нее:

– Вы готовили лекарство для моей кухни, и ей нужно еще.

– Что это было?

– Точно не знаю. Ее зовут Каталина. Помните такую?

– Помню. Девушка из Дома-на-Горе.

Женщина взяла еще один арахис, угостила попугая, и тот, склонив яркую головку, устоялся на Ноэми.

– Откуда вы ее знаете? – спросила Ноэми.

– Твоя кухня какое-то время ходила в церковь. Наверное, она там с кем-то поговорила, потому что пришла ко мне и сказала, что ей нужно что-нибудь для сна. Она приходила пару раз. В последний раз она была сильно взволнована, но не стала говорить о своих проблемах. Попросила отправить за нее письмо кому-то в Мехико.

– Почему она сама не отправила?

– Не знаю. Она сказала: «Если в пятницу мы не встретимся, отправьте вот это». Так я и сделала. Она говорила, что у нее кошмары, и я попыталась помочь ей с этим.

Кошмары, подумала Ноэми, вспоминая свой. В таком доме немудрено видеть во сне кошмары. Она опустила руки на сумочку:

– То, что вы ей дали, явно сработало, потому что нужно еще.

– Еще... – Женщина вздохнула. – Я сказала девочке, что никакой чай ей не поможет. То есть поможет, но ненадолго.

– Что вы имеете в виду?

– Эта семья проклята. – Женщина нежно почесала попугая, и птица от удовольствия закрыла глаза. – Вы ведь слышали всякие истории?

– Разразилась эпидемия... – осторожно произнесла Ноэми.

– Да, там была болезнь, многие умерли. Но это не все. Их застрелила мисс Рут.

– Мисс Рут? Кто такая мисс Рут и кого она застрелила?

– Эта история здесь хорошо известна. Могу рассказать, но она будет вам кое-чего стоить.

– Я и так заплачу за лекарство.

– Все хотят есть. К тому же это хорошая история, и никто ее не знает лучше меня.

– Так вы и лекарь, и рассказчик.

– Говорю же, юная мисс, все хотят есть, – пожалала плечами женщина.

– Ладно. Я заплачу за историю. У вас есть пепельница? – спросила Ноэми, вытаскивая сигарету и зажигалку.

Марта поставила на стол оловянную кружку. Ноэми зажгла сигарету и подвинула пачку пожилой женщине. Та вытащила две штуки, но курить не стала – убрала в карман фартука. Скорее всего, выкурит позже. Или продаст.

– С чего начать? Рут, да... Рут была дочерью мистера Дойла. Любимый ребенок, ни в чем не нуждалась. Тогда у них еще было много слуг. Всегда много слуг, еще бы, ведь надо полировать серебро и содержать все в порядке. Основная часть слуг была из деревни, они жили в господском доме, но иногда спускались в город. На рынок или по другим причинам. Они рассказывали о красивой мисс Рут...

Она должна была выйти замуж за своего кузена Майкла, для нее уже заказали платье из Парижа и гребни из слоновой кости. Но за неделю до свадьбы она схватила винтовку и застрелила жениха, мать, тетю и дядю. Она стреляла и в отца, но он выжил. Возможно, Рут

застрелила бы и Вирджилия, своего маленького брата, но мисс Флоренс успела спрятать его. А может, девчонка сжалилась.

Ноэми не видела в доме никакого оружия – хозяева, должно быть, выкинули все. Выставлялось только серебро, и у Ноэми мелькнула мысль: какими пулями стреляла Рут? Уж не серебряными ли?

– Убив их, Рут взяла винтовку и застрелилась сама. – Женщина с треском расколола арахис.

Какая жуткая история! И все же это не конец. Только пауза.

– Есть еще что-то, да? – догадалась Ноэми.

– Да.

– Вы не расскажете мне остальное?

– Нужно чем-то питаться, молодая мисс.

– Я заплачу.

– Не поскупились?

– Нет.

Марта вытащила из пачки еще одну сигарету, спрятала в фартук.

– После этого слуги ушли. В Доме-на-Горе остались только семья и старые слуги, которых очень давно наняли и которым доверяли. У нас в городке они не появлялись. Дойлы тоже не показывались, но однажды мисс Флоренс приехала на железнодорожную станцию. Ты только подумай, она отправилась отдыхать, хотя до этого ни разу не выходила из дома. А вернулась, уже будучи замужем за молодым человеком. Его звали Ричард.

Он не был похож на Дойлов. Любил поговорить, любил приехать в город на машине, чтобы пропустить стаканчик и поболтать. Он жил в Лондоне, Нью-Йорке и Мехико, и, судя по всему, дом Дойлов не был его любимым местом. Он любил поболтать, да, и со временем стал рассказывать странные вещи.

– Какие?

– Он говорил о призраках, о каком-то дурном глазе... Мистер Ричард был мужчина крепкий – и вдруг здорово исхудал. Вскоре он перестал приезжать в город, вообще исчез из виду... Его нашли на дне ущелья. Здесь много ущелий, должно быть, вы заметили. Ну так вот, он умер в двадцать девять лет, оставив сына.

Фрэнсис, подумала Ноэми. Бледнолицый Фрэнсис с мягкими волосами и нежной улыбкой. Понятно, что он ни словом не обмолвился о своем отце – такое не хочется обсуждать.

– Звучит трагично, но я бы не сказала, что это проклятие.

– Вы бы назвали это совпадением, не так ли? Да, наверное, так. Но факт состоит в том, что все, к чему они прикасаются, гниет.

Гниет. Звучит отвратительно, но да – гниет. Этот дом был странным. Дойлы и их слуги были странными, но проклятие? Нет.

– Так вы приготовите лекарство для Каталины? – спросила она.

– Это нелегко. Мне нужно собрать ингредиенты, и на это уйдет какое-то время. Но я повторю: лекарство не решит проблему. Все дело в доме, в этом проклятом доме. «Садитесь на поезд и оставьте все позади», – вот что я сказала твоей кухне. Я думала, она послушается, но откуда ж мне знать.

– В любом случае, сколько стоит это лекарство? – спросила Ноэми.

– Лекарство и история.

– Да, и это.

Женщина назвала сумму, Ноэми открыла кошелек и вытащила пару купюр.

– На приготовление лекарства у меня уйдет неделя. Возвращаясь через неделю, но ничего не обещаю, – сказала Марта, протягивая руку. Ноэми сунула купюры ей в ладонь, и те последовали в карман фартука. – Можно мне взять еще одну сигарету?

– Да, конечно. Надеюсь, они вам понравятся. Это «Голуаз».

– Они не для меня.

– Тогда для кого? – удивилась девушка.

– Для святого Луки Евангелиста, – сказала Марта, показывая на одну из фигурок на полке.

– О! Сигареты для святого?

– Они ему нравятся.

– Что же, у него прекрасный вкус, – кивнула Ноэми, гадая, сможет ли найти здесь магазин, продающий хоть что-то отдаленно похожее на «Голуаз». Вскоре ей придется пополнить запасы.

Женщина улыбнулась, и Ноэми дала ей еще одну купюру. Не жалко. Всем нужно есть.

– Ну, мне пора. Не дайте святому Луке выкурить все сигареты зараз.

Они вышли на улицу. Марта вдруг нахмурилась.

– Как ты спишь? – спросила она.

– Нормально.

– У тебя под глазами темные круги.

– Там наверху холодно. Трудно засыпать по ночам.

– Надеюсь, дело только в этом.

Ноэми вспомнила свой странный сон, но у нее не было времени анализировать его. У нее был друг, который молился на Юнга, но сама она никогда не понимала идею «сон – это сам спящий» и не пыталась интерпретировать сны. Она вспомнила кое-что написанное Юнгом: внутри каждого есть тень. И слова пожилой женщины, подобно тени, висели над ней, пока она ехала обратно в Дом-на-Горе.

7

Вечером Ноэми снова позвали на ужин. За столом, покрытым скатертью из белого дамаска, на котором стояли свечи, собрались почти все Дойлы: Флоренс, Фрэнсис и Вирджиль. Патриарх, судя по всему, будет ужинать у себя в комнате.

Ноэми ела мало, сидела и водила ложкой по тарелке; она хотела поговорить, а не есть. Через какое-то время она не смогла сдержаться и засмеялась. На нее уставились три пары глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.